
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ
РУКА КОТОРОЙ ВЕРЯТ
ПАМЯТЬ МАТЕРИАЛА.
КНИГА ШЕСТАЯ
ПРОГРАММА РЕАБИЛИТАЦИИ И ВОЗВРАТА К РАБОТЕ
ПРОГРАММА РЕАБИЛИТАЦИИ И ВОЗВРАТА К РАБОТЕ
21:17
Вт, 7 октября
+9°
АВТОБУСНЫЙ МАРШРУТ
№ 47
Завод (северный)
Жилой район
Иногда важна не только сила руки,
а то, кому она снова начинает верить.

Роман Штерн

Рука, которой верят

Серия «Память материала», книга 6

https://litres.ru/74875689
SelfPub; 2026

Аннотация

Шестая книга цикла «Память материала». После тяжёлой травмы кисти Степан Шубин хочет снова получать деньги за работу. Мастерская «Второй хват» предлагает удобный стол, помощь и небольшой заработок. Но один удачный выход превращается в справку о готовности к полной смене, а улучшение может лишить человека поддержки. Инга Мельникова начинает проверку — и узнаёт, что Степан тоже сообщил неправду. Чтобы защитить его права, ей придётся сохранить в деле факт, способный повредить ему самому.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Своими деньгами	5
Глава 2. Не медицинский образец	23
Глава 3. Общий лоток	41
Глава 4. Первая покупка	59
Глава 5. Поздравляем с окончанием	77
Глава 6. Три адресата	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Роман Штерн
Рука, которой верят

От автора

Спасибо Вам за время, которое Вы решили провести с этой книгой. Я ценю возможность занять часть Вашего дня. От души желаю Вам приятного чтения.

Глава 1. Своими деньгами

Степан положил на стол распечатку и прижал загнувшийся угол телефоном.

— Тут написано «мелкая сборка». Это насколько мелкая?

В верхней части листа две нарисованные ладони держали шестерёнку. Под ними стояло: «Второй хват. Возвращение к делу после травмы». Принтер оставил поперёк рисунка бледную полосу; телефон закрывал одну ладонь.

Инга сняла очки, протёрла стёкла. Степан пришёл без привычной папки с выписками. Из нагрудного кармана рубашки торчала ручка, на воротнике куртки темнели капли. В начале октября в Екатеринбурге дождь мог закончиться в одном квартале и снова начаться за перекрёстком.

— Вы уже с ними говорили?

— Вчера. Сначала форму заполнил, потом позвонили. Я сказал про правую. Что после операции, не всё могу. Они говорят: приходите посмотреть, у нас разные.

— Разные операции?

— Люди разные. Про операции я и хотел спросить. На сайте — вот это.

Он вынул телефон, расправил лист левой ладонью. Ниже обещали удобное рабочее место, помощь инструктора, питание и мотивационную поддержку участникам. В самом низу помещались адрес на окраине города и два автобусных

маршрута.

Инга уже знала, какие вопросы задаст: сколько длится занятие, какое усилие требуется, не придётся ли удерживать деталь повреждённой рукой, что понимают под перерывом. Хотелось перечислить всё сразу, пока Степан ещё не успел принять рекламное слово «мелкая» за медицинскую характеристику.

— Что вы хотите у них делать? — спросила она вместо этого.

— Работать.

— Какую работу?

— Если бы знал, я бы не пришёл с листком.

Он сказал без резкости, но губы сжал. Инга подвинула распечатку обратно к нему.

— Тогда начнём с этого. Что собирают, чем, сколько времени. Возможность остановиться есть?

— Сказали, можно. Там сначала вводное посещение. Без обязательства остаться.

— Его описание прислали?

Степан открыл сообщение. Он держал аппарат левой рукой, правым указательным пальцем медленно прокручивал экран. Инга не следила за пальцем. Прочла то, что он повернул к ней: знакомство с мастерской, обсуждение опыта, подбор пробной задачи. Время было указано для всего посещения, а не для работы за столом.

— Это лучше, чем сразу на смену, — сказала она.

Степан посмотрел на неё с удивлением.

— Я думал, вы начнёте отговаривать.

— Пока не от чего. И соглашаться со всем здесь пока не на что.

За дверью коротко зазвонил рабочий телефон. Координатор ответила, уточнила номер обращения и перевела разговор замещающему врачу. Через стеклянную перегородку Инга видела, как та поставила отметку в журнале и вернулась к прерванному письму. На стол Инги ничего не принесли.

Степан тоже посмотрел в ту сторону.

— Мне бы не до конца жизни по приёмам ходить.

— Работа не обязательно отменит приёмы.

— Знаю. Я не отменять. Просто там за сделанное дают. Пусть немного.

Он провёл ногтем по краю бумаги.

— У сестры всё время получается, что я должен. Она не говорит. Я сам считаю.

— Вы обсуждали с ней мастерскую?

— Сказал, что нашёл. Она спросила, сколько ехать.

Вошла Софья с чашкой и тонкой папкой. Шарф она ещё не сняла; один конец зацепился за ручку двери, и ей пришлось вернуться на полшага.

— Очень самостоятельная вещь, — сказала она, освобождая ткань. — Никуда без собственного решения.

Степан улыбнулся, но, увидев папку, выпрямился.

— Ответ есть?

— По существу — нет. Есть подтверждение получения последнего комплекта. Следующий срок у представителя отмечен, он проверит. Я пришла не с решением.

Она села сбоку, оставив папку закрытой.

— Инга сказала, вы нашли программу. Можно посмотреть условия?

Степан передал лист.

— Если пойду, мне потом не скажут, что всё уже прошло?

— Сказать могут. Нам придётся смотреть, на что ссылаются.

— То есть лучше пока не ходить?

— Я этого не говорила.

Софья поставила чашку на подоконник: на столе для неё уже не оставалось места.

— В старом деле есть ваша первоначальная запись о домашнем ремонте. Есть дополнение, где вы объяснили, что произошло и почему тогда сказали иначе. Есть письменный ответ Серова о просьбе сохранить бытовую версию. Ничего из этого мы не убираем. Вопрос о том, кто организовал ваш труд и как должен быть оформлен случай, ещё рассматривается. Сегодняшняя способность собрать небольшую деталь сама по себе на него не отвечает.

— А кисть?

— Кисть сегодня оценивают сегодня, — сказала Инга. — Корпус Т-07 сместился тогда. Новая работа не меняет ни опору, на которой его оставили, ни положение вашей руки.

Степан кивнул. Эту часть они уже разбирали; он не попросил повторить её.

— Мне не надо, чтобы ради дела она хуже была, — сказал он.

— Нам тоже, — ответила Инга.

Софья прочла оборот объявления.

— Договор получите до первого занятия. Не только памятку с картинкой. И выясним, что они называют поддержкой: за что, когда и на каких условиях платят. Я посмотрю ваши условия участия. Обещать заранее, что все последствия будут благоприятными, не могу.

В дверях появился Павел. Он нёс небольшой транспортный ящик и остановился, увидев посетителя.

— Здравствуйте. Я за зарядным.

— Павел, у тебя будет время посмотреть описание одной сборочной операции? — спросила Инга.

— Описание — да. Сначала пусть пришлют, что собирают и как. «Работа руками» для прибора слишком широкая специальность.

Он поставил ящик на пол, вынул из шкафа зарядное устройство.

— По картинке нагрузки не оценим. Если понадобится наблюдение на месте, отдельно договоримся об объёме и кто участвует.

На настенном календаре под февралём была проведена оранжевая черта. Не предупреждение о бедствии, а край уже

оплаченной работы: часы партнёров, поездки, измерения. Ниже висел чистый лист для следующих договоров.

Софья заметила взгляд Степана.

— Сейчас мы можем проверить условия, организовать независимую исходную консультацию и разобрать начальную задачу. Постоянное сопровождение этой программы мы на себя не берём.

— Я и не прошу вас туда за мной ходить.

— Хорошо. Но лучше это сказать сейчас, чем потом всем по-разному помнить.

Инга открыла календарь клиники.

— Я предложу консультацию врача физической и реабилитационной медицины. Не связанного с мастерской. Посмотрит нынешнюю функцию и то, что вам предлагают. Время и порядок оплаты координатор согласует с вами до записи. Решение, идти ли в программу, останется вашим.

Степан убрал телефон. На бумаге остался прямоугольный след от влажного чехла.

— Вы сегодня мимо нашего дома будете? — спросил он. — Я сестре обещал объяснить. Только без всей карты. Она вас спросит про дорогу и что после.

— После четырёх могу заехать минут на двадцать. Если ей удобно.

Он набрал сообщение левой рукой, подождал ответа.

— Удобно. До пяти она дома.

Софья вернула распечатку.

— Давайте сначала снимем копию. Ваш экземпляр пусть у вас остаётся.

* * *

Сестра открыла дверь с мокрыми руками. На кухне работала стиральная машина; при отжиме чашки в шкафчике едва слышно позвякивали.

— Проходите. Он сейчас стол освободит.

На столе лежали полотенца, сложенные ещё не до конца. Степан перенёс их на спинку стула.

— Я бы сам убрал.

— Ты и убрал, — сказала сестра. — Инга Николаевна, чай будете?

— Немного. У меня до половины пятого.

— Нам тоже долго не надо. Я потом ухожу.

Степан достал три чашки. Сначала одну левой рукой, потом вторую; третью придержал правой за ободок и поставил возле Инги. В блюдце лежали нарезанный лимон и две конфеты с одинаково перекрученными фантиками. Всё здесь было не приготовлено к разговору, а ненадолго раздвинуто для него.

— До мастерской с пересадкой, — сказал Степан. — Но автобус ходит часто.

— Первый часто. Второй я посмотрела — вечером три рейса.

— Я не вечером заканчиваю.

— А если задержишься?

— Значит, не задержусь.

Сестра взяла чайник. Степан потянулся к нему и остановил руку над столом.

— Поставь, я налью.

— Он полный.

— Я вижу.

Она не поставила. Разлила чай, вернула чайник на подставку у стены. Инга ощутила неловкость от того, насколько легко было сейчас сделать увиденное примером — о силе, помощи, ограничениях. Но это была чужая кухня, а не кабинет. Полный чайник никто не просил включать в оценку.

— Я не против, чтобы ты пошёл, — сказала сестра. — Ты мне каждый раз отвечаешь, будто я против.

— Потому что у тебя сразу: а если, а потом, а кто.

— А кто — хороший вопрос. Последний раз ты сказал, что доедешь сам, а потом я отпрашивалась. Не потому, что не хотела. Мне на работе тоже надо объяснять.

Степан отвёл взгляд к окну. Под стеклом лежала свёрнутая сетка от комаров; её сняли, но ещё не унесли.

— Это было после врача.

— Я помню, после чего.

Инга взяла чашку обеими руками. Чай пах смородиновым листом.

— Первое посещение пока только знакомство, — сказала она. — Рабочую пробу будут обсуждать после независимой консультации. Давайте на первый день отдельно: как прие-

хать, как вернуться, кому сообщить, если план изменится.

— Вот, — сестра повернулась к Степану. — Я про это. Не про то, сколько у тебя пальцы сгибаются.

— Туда я сам. Обратно тоже могу.

— Если после пробы устанешь?

Он помолчал.

— На такси оставлю.

— Из каких?

Степан достал телефон, посмотрел на экран и снова убрал.

— Оставлю. Не всё потрачу до поездки.

Сестра размешала чай, хотя сахар уже растворился.

— Я в четверг после работы не домой. И отменять не буду. Если тебе нужна будет помощь, скажи заранее, насколько можно заранее. А не когда уже стоишь на остановке.

— Я не знаю заранее, как рука будет.

— Так и скажи: не знаю. Тогда договоримся, кому ещё позвонить. Только не обещай, что всё сам, чтобы я отстала.

Степан сдвинул чашку на край блюдца. Звук вышел резче, чем он, вероятно, хотел.

— Я хочу сам.

— Я слышу.

Она ответила спокойно, и от этого ему, кажется, стало труднее продолжать спор. Он повернул ручку чашки к левой руке.

— Я хочу прийти и купить продукты не на деньги, кото-

рые мне дали из-за руки.

— Тогда не покупай сразу мешок картошки, — сказала сестра. — Купи то, что сможешь донести.

Он коротко усмехнулся.

— У тебя всё равно получится список.

— Конечно. Ты молоко берёшь такое, которое никто не пьёт.

Инга отпила чай. Ей не пришлось возвращать разговор к маршруту: Степан сам открыл расписание, увеличил карту. Выяснилось, что от остановки до мастерской надо пройти вдоль забора, а короткий путь через двор на карте не был обозначен как проход. Он написал в программу, где вход для посетителей.

Сестра посмотрела на часы.

— Вечером после первого раза ты ещё в магазин не ходи. Я накануне куплю. Потом разберёмся.

Степан хотел возразить, но вместо этого спросил:

— Что я дома сделаю?

— В тот день? Ничего большого не планируй. Хлеб нарежешь, стол уберёшь. Если сможешь.

— Стол могу.

Он произнёс это слишком твёрдо для такого маленького дела. Сестра не поправила.

Когда Инга поднялась, Степан собрал чашки. Одну оставил: она ещё была наполовину полной.

— Эту я допью, — сказала сестра.

— А, да.

У раковины он поставил посуду, не включая воду. Инга надела куртку. В прихожей сестра достала с верхней полки сумку, проверила ключи.

— Про обследование он сам вам ответит, — сказала она. — Мне только время скажите, если я для чего-то нужна. Лучше через него.

— Так и сделаем.

На лестнице Инга услышала, как Степан вернулся на кухню и открыл кран. Следом щёлкнул дверной замок: сестра тоже вышла из квартиры, не дожидаясь, пока он закончит.

* * *

На следующий день к согласованному звонку прислали схему прохода, проект договора участия и одну страницу с описанием сборки. Степан пришёл в офис за десять минут до назначенного времени. Пока Софья заканчивала другой разговор, он читал страницу, ведя по строкам колпачком ручки.

Инга увидела на схеме маленький узел: корпус, вставка, крышка с защёлкой. Рядом — фотография настольного приспособления. Масса готового изделия была небольшой, но на снимке нельзя было понять, какой рукой его удерживают и чем дожимают крышку.

— С этим уже можно разговаривать, — сказала она.

— Тут хоть видно, что не кирпич.

— Кирпич иногда понятнее. Его хотя бы не называют лёгким занятием.

Степан поднял глаза и улыбнулся.

Тамара Резник ответила с первого звонка. Голос был низким, немного хриплым, без торопливой рекламной бодрости.

— Степан Игоревич, здравствуйте. Вы получили, где калитка? Навигатор иногда ведёт к грузовым воротам, там вам не откроют.

— Получил. Со мной Инга Николаевна и Софья Львовна, как договорились.

— Да, я помню. У нас сейчас тихо, можем поговорить.

Инга представилась и уточнила:

— Мы помогаем Степану разобраться в первоначальном задании. Общую оценку вашей программы сейчас не проводим.

— Хорошо. Что нужно пояснить?

— На фотографии приспособление. Деталь в нём фиксируется или её держат рукой?

— Нижняя часть укладывается в гнездо. Вставку ставят вручную, затем крышку. Прижим — рычажный. Но для первого раза можно оставить только укладку и проверку комплектности. Это инструктор на месте смотрит вместе с человеком.

— Усилие на рычаге известно?

— Сейчас не назову. Мастер оснастки сможет описать. Если для консультации нужно, я попрошу его подготовить пояснение. Проверять максимальное усилие на Степане мы не

собираемся.

Инга записала эту фразу не как обещание безопасности, а как условие первых проб.

— Перенос лотков входит?

— Полных — нет. Их подаёт сотрудник. На столе можно поставить небольшую ёмкость с деталями.

— Работа только сидя?

— Для этого задания — да. Стол и стул регулируются. Можно менять положение, вставать. Мы не требуем всё посещение сидеть неподвижно.

Степан наклонился к телефону.

— А если я медленно?

— Начальные пробы без нормы выпуска, — сказала Резник. — Нам сначала нужно понять, какое действие вам подходит. Научиться одной последовательности тоже результат.

В соседней комнате принтер захватил сразу два листа. Софья на секунду поднялась, вынула смятую бумагу и вернулась. Резник терпеливо ждала.

— При боли что происходит? — спросила Инга.

— Прекращаем действие. Сообщаете инструктору. Он рядом, не надо искать по зданию. Дальше — по состоянию: отдых, отказ от продолжения, связь с вашим врачом. Экстренную помощь, если потребуется, вызываем обычным порядком.

— Возврат к операции после выраженного ухудшения не решается только тем, что человек посидел пять минут?

— Нет. Мы не медицинская комиссия. Если есть сомнения, работу не продолжаем до уточнения.

Софья положила перед собой договор.

— Здесь «медицинское сопровождение» указано в общем перечне. Кто его оказывает?

— Отдельная клиника, по записи и отдельным документам. В мастерской инструктор и мастер. Они не назначают лечение. Степан может наблюдатьсяу своего врача, нам нужны ограничения, относящиеся к занятиям.

— То есть полную историю лечения вы не требуете?

— Нет. Но мы должны понимать, чего ему нельзя и когда остановиться.

Инга спросила о перерывах. В присланном описании они были предусмотрены, однако время и порядок предлагалось определить после исходной консультации. Она попросила добавить, что пауза по самочувствию возможна и раньше, а весь срок присутствия в мастерской не считается временем непрерывной сборки.

Резник повторила уточнение, чтобы записать.

— Добавлю. У нас на вводное посещение заложено больше времени, чем человек работает. Разговор, осмотр места, чай. Это не всё нагрузка.

— И не вся нагрузка заканчивается у вашего стола, — сказала Инга. — Степану ещё добираться домой. Первую пробу лучше планировать так, чтобы увидеть, как он перенёс её потом.

— Тогда не ставим два дня подряд. Обсудим после консультации.

Степан сидел, не вмешиваясь, но теперь придвинул к себе лист.

— Я в четверг могу приехать посмотреть. А делать — уже как с врачом договоримся.

— В четверг место есть. Подтверждать?

Он посмотрел не на Ингу, а на время в своём телефоне.

— Подтверждайте.

Софья попросила ещё несколько минут.

— Мотивационная поддержка. На вводное посещение распространяется?

— Нет, знакомство не оплачивается. Дальше условия участия и расчёта выдаём отдельно, до начала регулярных выходов. В проекте есть ссылка на положение, я его приложу.

— И трудоустройство?

— Мы можем помочь подобрать варианты. Гарантировать место всем не можем. Сейчас речь об участии в программе.

— Отказ от дальнейшего участия не означает отказа от требований к кому-либо по прежней работе?

Резник помолчала.

— У нас нет такого условия. И быть не должно. Прежние споры к нам отношения не имеют.

— Хорошо. В окончательном экземпляре это должно остаться так же.

Разговор закончился без обещания восстановить руку и

без требования принести благодарственное письмо. Резник сказала, что вышлет уточнённое описание до вечера, и попросила не покупать специальный инструмент: для вводного посещения всё дадут.

Степан остался сидеть.

— Нормально вроде говорят.

— Предметно, — ответила Инга. — Это пока всё, что мы можем сказать по звонку.

— Я понял. Вы не за всё здание расписываетесь.

— Именно.

Софья повернула к нему проект.

— И подпись под участием не делает вас работником автоматически. Но одно название договора не решает и обратного. Если дальше появится обычная работа с заданиями, временем и контролем, надо будет смотреть, что происходит на деле. Сейчас нет оснований заранее объявлять эту программу нарушением.

Степан постучал колпачком по слову «участник».

— Мне бы хотелось потом без этого слова.

— Тогда стоит спросить, какие у них переходы к работе уже были, — сказала Софья. — Не на сегодня всё сразу. Пока получите условия, прочтите. Если что-то непонятно, не подписывайте только потому, что остальные уже подписали.

Она отметила два пункта, которые требовали пояснения, и отдала ему обе страницы. Не перечеркнула договор, не написала в углу «не годится».

Координатор принесла подтверждённое время независимой консультации у Марии Левицкой. Лицензированная клиника принимала до четверга; стоимость и порядок оплаты Степан уже согласовал с ней лично. В сообщении отдельно перечислили, что взять из документов прежнего лечения и присланного описания задачи.

— Вы будете? — спросил он Ингу.

— Если хотите, могу присутствовать на обсуждении работы. На весь приём — только если вы и врач согласны.

— На обсуждении будете. Остальное я сам сначала.

— Хорошо.

Он вписал время в календарь. Для врача поставил напоминание накануне, для мастерской — ещё и время выхода из дома. Потом зачеркнул его: забыл учесть пересадку. Посчитал заново.

К вечеру пришёл исправленный комплект. Степан уже ушёл, поэтому Инга открыла его одновременно с ним по согласованной связи. В приложении перечислялись начальные действия: укладка частей в приспособление, проверка комплектности, пробное соединение после оценки допустимой нагрузки. Полные лотки переносил сотрудник. Для первых проб сохранялись индивидуально определяемая длительность, перерывы и возможность прекратить действие раньше. Обещания полного восстановления не появилось.

Софья прислала свои замечания отдельно. Положение о выплатах требовало более внимательного чтения до регуляр-

ного участия, но обязательства немедленно приступить или отказаться от прежних прав в комплекте не было.

— Свой экземпляр сохраните целиком, с приложением, — сказала Инга. — Не только первую страницу.

— Я уже скачал. И распечатаю. У сестры завтра можно на работе.

— С медицинскими сведениями как решили?

— Ограничения, которые нужны для этой сборки, передать можно. Выписки все не надо. Я их врачу принесу.

Инга внесла согласованный объём. Её запись касалась подготовки начальной задачи и независимой оценки; заключения о пригодности ко всякой работе здесь не было.

На экране появилось ещё одно сообщение Резник: время посещения, вход со стороны остановки, просьба взять сменную обувь и рабочую одежду, которую не жалко испачкать. Фартук можно было получить на месте.

Степан прочёл сообщение вслух до слова «одежда», потом замолчал.

— У меня старая куртка есть, — сказал он. — Только рукав широкий, цепляться будет. Лучше фартук.

— У них можно взять.

— Я свой хочу. Своими деньгами.

Инга подождала. В трубке зашуршала бумага — он, вероятно, убирал договор.

— Вы не знаете, где купить такой, чтобы сзади не завязывать? — спросил Степан. — Чтобы самому застегнуть.

Глава 2. Не медицинский образец

Степан сам открыл дверь кабинета.

— Теперь можно. Мы про работу дошли.

Инга поднялась со стула. В коридоре клиники пахло кофе из автомата и мокрой шерстью. Пока она ждала, женщина напротив успела распустить шарф, снова завязать и уйти, так и не допив из бумажного стакана. Степан придерживал дверь левой рукой. Правая лежала вдоль тела, пальцы чуть согнуты.

— Не помешаю? — спросила Инга уже у врача.

— Степан Игоревич согласен обсудить при вас состояние руки и первые пробы, — ответила Мария Левицкая. — Остальное мы закончили.

Она указала на свободный стул сбоку от стола. Не место второго врача напротив пациента, а третье место в разговоре.

Левицкая носила очки на тонком шнурке; сейчас они лежали поверх раскрытой выписки. В кабинете не было плакатов с улыбающимися людьми на тренажёрах. У стены стоял стол с регулируемой высотой, на нём — несколько простых предметов: кружка, застёжки на полосках ткани, небольшие бруски, пустая коробка. Инга положила сумку у ног.

— Что решили попробовать? — спросила она.

— Сейчас посмотрим, — сказал Степан. — Я ей бумагу показал.

Он кивнул на описание сборки. Между страницами торчала магазинная бирка.

— Фартук нашли?

— Сбоку застёгивается. Продавщица сказала — поварской. Я думаю, деталям без разницы.

Левицкая улыбнулась и вернулась к листу.

— Вы назвали три вещи, которые хотите делать легче. Дома — застёгивать одежду и носить небольшие покупки. Здесь — собирать эти узлы. Я правильно сохранила?

— Носить можно левой. Мне правую хотя бы не убирать всё время.

— Тогда и смотрим, где она может участвовать. Не обязательно выполнять ту же часть действия, что раньше.

Левицкая придвинула лёгкую коробку.

— Покажите ещё раз, как вы обычно берёте крышку. Без усилия, которое уже вызывало боль.

Степан поставил локоть на стол. Большой и указательный пальцы взяли край, но крышка повернулась, и он поправил её левой. Движение получилось коротким, почти незаметным. Инга знала, как легко такое исчезает из рассказа: взял крышку — значит, взял. Между тем левая рука уже успела поймать, развернуть, подать.

— Вот здесь что чувствуете? — спросила Левицкая.

— Тянет. Не сильно.

— Где?

Он показал на тыльную сторону кисти.

Врач попросила положить крышку и изменить положение предплечья. Подложила невысокую опору, приблизила коробку. Степан повторил движение. На этот раз крышка не развернулась.

— Так лучше.

— За счёт чего?

Он посмотрел на руку.

— Не выворачиваю. И держать на весу не надо.

Левицкая внесла запись. На экране Инга успела увидеть отдельно отмеченные движения и отдельно — жалобы при действии. Полную карту врач к ней не разворачивала.

— Подвижность мы посмотрели, чувствительность проверили, — сказала она. — Есть ограничения, которые согласуются с последствиями прежней травмы и лечения. Некоторые движения вы выполняете свободнее, чем раньше, по вашим словам и представленным записям. Но удержание и повторение пока даются хуже. Это нужно учитывать вместе.

— Я могу ещё, — сказал Степан.

Он уже потянулся к крышке.

— Сейчас не надо.

Рука остановилась.

— Потому что левой помог?

— Нет. Помощь второй руки — нормальный способ выполнить задачу. Я записываю, как именно получилось. Повторять до утомления сегодня не нужно.

— А вдруг второй раз легче будет?

— Возможно. И третий. Но нам не требуется найти ваш лучший раз.

Степан убрал руку на колено. Инга заметила, как он прижал губы, будто удержал готовый ответ. На прежних встречах от него чаще требовалось вспомнить, объяснить, подтвердить. Здесь впервые за долгое время получалось что-то показать, и остановка могла прозвучать как отказ смотреть.

— Этот раз получился лучше первого, — сказала Инга. — Он уже записан.

Левицкая кивнула.

— И опора записана. Без неё мы сейчас получили другое действие.

Она подала Степану его описание задачи.

— Вес детали небольшой. Но по весу нельзя понять, сколько усилия понадобится, чтобы удержать её при соединении. И из этого рисунка не видно, куда уходит кисть, когда вы нажимаете.

На листе был маленький рычажный прижим, под ним — прямоугольная деталь. Человеческих рук на рисунке не было.

— Там мастер подгоняет, — сказал Степан.

— Хорошо. Сначала пусть покажет на себе. Потом вы попробуете размещение частей без соединения. Если можно убрать удержание правой рукой за счёт упора, это стоит сделать. Дальше — короткая проба в пределах того, что мы сейчас обсудили. Не проверка, сколько вы выдержите.

— А как понять, что уже хватит? Я иногда только дома чувствую.

Левицкая отложила ручку.

Это был первый вопрос, в котором Степан не просил разрешения продолжать.

— Поэтому нам важен не только стол в мастерской. После пробы не надо добавлять нагрузку, чтобы убедиться, что всё прошло. Запишите, что изменилось к вечеру, как долго отдыхали, что стало труднее делать дома. Если ощущения заметно усиливаются, появляется новый отёк, онемение или становится хуже двигать пальцами — прекращаете и связываетесь с врачом. При резком изменении состояния обращаетесь за помощью, не ждёте нашего следующего приёма.

— Инструктору тоже говорить?

— Что нужно остановиться — сразу. Медицинские подробности рассказывать всем не обязаны.

Степан посмотрел на Ингу, потом снова на Левицкую.

— Получается, попробовать можно, а работать ещё нельзя?

— Получается, мы определили условия первой пробы. Несколько деталей, рабочий отрезок и возвращение к прежней работе — три разные задачи. На первую у нас сейчас есть план. На остальные ответа пока нет.

Она не произнесла это как отказ. Перевернула лист, показала, где будут стоять действие, перерыв и самочувствие после. Степан прочёл, водя взглядом по строкам.

— Тут «не удерживать деталь правой кистью против усилия прижима». А просто уложить?

— Уложить, если это не вызывает усиления боли и не требует неудобного положения. Вы уже показали, что опора и положение предмета меняют результат.

— Тогда это им и надо написать. А то увидят «не удерживать» — скажут, ничего не трогать.

— Напишем достаточно точно.

К концу разговора на столе лежали два документа. Один оставался частью клинической записи у лицензированной клиники: прежнее лечение, осмотр, наблюдавшиеся ограничения, дальнейший план. Другой предназначался Степану и, с его согласия, мастерской. В нём не было ни истории разгрузки, ни первоначальной записи о домашнем ремонте. Только условия, нужные для начальных действий.

Левицкая распечатала памятку крупнее.

— Этот экземпляр вам. Если на месте предлагают что-то другое, не пытайтесь сами решить, что это почти то же самое. Пришлите описание. По этому номеру — связь с клиникой, часы ответа здесь.

— А если всё нормально?

— Тогда тоже сообщите. Что сделали и при каких условиях. Нормальный результат нам нужен не меньше жалобы.

Степан сложил листы не по прежним сгибам, заметил это и расправил. Выписку убрал в старую папку, описание задачи — в прозрачный карман вместе с биркой от фартука.

В коридоре он остановился возле окна.

— Она ведь не сказала, что рука уже хорошая.

— Не сказала.

— Но и не сказала, что всё зря.

— Вы сами почувствовали разницу с опорой.

Он посмотрел на правую кисть, затем спрятал её в рукав куртки.

— Почувствовал. Только коробка у неё пустая.

— В четверг посмотрим детали.

Степан кивнул. У лифта проверил время автобуса и пошёл к лестнице: вниз ему было удобнее, чем ждать в тесной кабине. Инга не предложила подвезти. Они договорились встретиться у мастерской; до четверга у каждого оставались свои дела.

* * *

У «Второго хвата» входная дверь открывалась туго, но рядом была кнопка вызова. Степан нажал её прежде, чем Инга подошла от остановки. Им открыл мужчина в серой рабочей куртке с короткими рукавами. На нагрудном кармане белели следы от снятой нашивки.

— К Тамаре?

— Шубин. На ознакомление.

— Тогда сюда. Мокрое на этот коврик, дальше не тащите. У нас пол гладкий, не любит воду.

Мужчина показал скамью для переобувания и вернулся к двери, придержал её для Инги.

Внутри было тихо. Из дальнего помещения доносились отдельные щелчки и шум чайника. Рабочая комната оказалась не такой светлой, как на фотографиях объявления, но лампы над столами давали ровный свет. У окна сушились вымытые лотки. На одном стуле лежала сложенная кофта, на другом — подушка, прихваченная к спинке двумя тесёмками.

Тамара Резник встретила их в проходе. Уточнила, получены ли рекомендации, и не стала просить всю папку.

— Сегодня без группы, чтобы спокойно посмотреть место. Ефим покажет приспособление. Если решите оставаться, время первых выходов согласуем отдельно.

— Пока только то, что в листе, — сказал Степан.

— Да. Ваш экземпляр с собой?

Он вынул прозрачный карман. Резник сверила страницы, вернула ему и передала согласованное описание ограничений мастеру.

— Ефим Тесов, — представился тот. — Оснастка. Всё, что должно держать вместо человека, — ко мне.

Он не протянул Степану руку, занятую листом, и не посмотрел на его кисть с тем быстрым любопытством, которое Инга привыкла замечать у незнакомых людей. Прочёл рекомендации, спросил, удобно ли Степану сесть, и опустил стол.

Новый фартук застёгивался сбоку двумя широкими кнопками. Степан расстегнул куртку, достал его из пакета и надел без помощи. Нижняя кнопка сразу не сошлась; он прижал

ткань к бедру и застегнул. Тесов в это время выбирал лоток и не торопил.

На стол легли две небольшие серые части и металлический вкладыш с загнутым краем.

— Это соединительный узел для кабельного короба, — сказал мастер. — Здесь вкладыш, сверху крышка. Два зацепа должны сесть. Пальцами дожимать не будем.

Он собрал один узел сам. Нижняя часть вошла в гнездо, вкладыш лёг поперёк, крышка — сверху. Короткий ход рычага дал два сухих щелчка. Тесов отвёл рычаг и вынул готовую деталь.

— Теперь без нажима. Только уложите.

Степан взял нижнюю часть левой рукой, перенёс к гнезду, правой поправил край. Крышку пришлось брать из дальнего лотка. Он потянулся, плечо поднялось.

— Подождите, — сказал Тесов.

Мастер переставил лоток ближе и повернул его наискось.

— Не надо у нас за деталями ездить. Они сами путешествуют.

Вторую укладку Степан сделал без движения плечом. Но когда Тесов показал положение крышки перед прижимом, правая кисть снова ушла в сторону.

— Здесь придерживать надо? — спросил Степан.

— На этом гнезде — да, пока не подхватит. Вам не подходит.

— Она же лёгкая.

— Зато упирается с характером.

Тесов убрал рычаг в исходное положение, убедился, что Степан отвёл руки, и достал из ящика другое основание. В нём был дополнительный боковой упор. Первое гнездо мастер отставил на полку, не стал переделывать при сидящем за столом человеке.

Инга видела, как Степан следит за его руками. Не за тем, какой инструмент тот берёт, а за спокойствием движений. Мастер не пробовал преодолеть неудобство ловкостью; менял вещь.

— Сюда ладонь положите. Рычаг пока не трогаем.

Степан устроил предплечье на опоре. Тесов повернул основание на несколько градусов и остановился.

— Лучше?

— Пока да.

— «Пока» мне и надо. Где тянет, там говорите.

Степан уложил части. Боковой упор принял крышку, и удерживать её правой больше не понадобилось. Левой он взял рукоять, но перед движением правую оставил слишком близко к гнезду.

— Сначала сюда, — Тесов показал свободную опору для руки. — Потом прижим. Порядок не меняем.

Мастер ещё раз выполнил последовательность сам, затем дал Степану повторить. Инга сидела сбоку, не над плечом. Её участие было согласовано для наблюдения за начальной задачей; чужие рабочие места и записи она не рассматрива-

ла.

Рычаг пошёл вниз. Раздался первый щелчок, следом второй. Степан поднял рукоять, вынул узел и повертел его.

— Сел?

— Сейчас проверим.

Тесов показал два места соединения, провёл деталь через контрольный шаблон. Узел прошёл. Степан улыбнулся не сразу — сперва ещё раз посмотрел на зацепы.

— Вот так могу.

— Как рука? — спросила Инга.

— Лучше. Я её не держал вбок.

— Усиления боли нет?

Он прислушался, согнул пальцы в пределах свободного движения.

— Сейчас нет.

Тесов подал следующую пару. На третьей Степан замешкался с вкладышем, перевернул его и положил правильно. Мастер не потянулся исправлять за него.

После нескольких действий сделали предусмотренный перерыв. Степан остался сидеть, держа готовый узел на ладони.

— Выходит, это приспособление всё сделало.

— Всё — нет. Оно до сих пор верх с низом путает, — ответил Тесов. — Пока вы не положите.

— Я раньше руками такое защёлкивал бы.

— А теперь ему поручили. Оно не обидчивое.

Инга записала: положение стола и предплечья, боковой

упор, соединение левой рукой, освобождение правой до хода рычага. Тесов заметил запись.

— Размеры вам дать?

— Лучше сохраните настройку у себя. Мне важно, что без этого удержание было другим. Это не сравнение скорости.

— Скорость сегодня вообще не спрашивали.

Степан посмотрел на часы у двери.

— Можно ещё один?

— Для чего? — спросила Инга.

Он помолчал, затем положил деталь к остальным.

— Чтобы не случайно получилось.

— Уже получилось несколько раз.

Тесов придвинул к себе лист настройки.

— Я сейчас подпишу вставку. Если оставляем, в другой стол её не унесут. Но после сегодняшней пробы ещё надо понять, как рука будет вечером.

Степан согласился сообщить о самочувствии по предусмотренному каналу. Он сам назвал день, когда мог прийти снова, и спросил, удастся ли сохранить это время. Резник вернулась из соседней комнаты с расписанием; они выбрали короткий первый выход, не добавляя к нему обычное занятие группы.

Успех не требовал от Инги ни разрешения на смену, ни тревожной оговорки после каждой реплики. Он был небольшой и достаточно определённый: Степан собрал несколько узлов, не удерживая повреждённой кистью деталь против

прижима. Это стоило сохранить именно так.

* * *

Степан заметил глиняные ладони, когда снимал фартук.

Они лежали в неглубоком шкафу у дальней стены, за стеклянной дверцей. Не одинаковые: одна широкая, с почти сомкнутыми пальцами, другая узкая, с большим промежутком возле мизинца. На нескольких плитках были выведены имена, на одной — только косая черта. Между ними стояла маленькая керамическая миска с кривым краем.

— Это тоже здесь делают?

Тесов оглянулся.

— Моё баловство. Люди оставляют на память.

— До и после?

— Чего?

— Ну, как рука была. Потом сравнивают.

— Нет. Для сравнения у врача свои способы. Здесь глина. Надавишь иначе — уже другой след.

Он открыл нижнюю дверцу, достал закрытый пластиковый контейнер. Внутри лежал влажный брусок, укутанный плёнкой. От него пахло мокрой землёй, слабо и прохладно; запах был неожиданным среди чистого пластика и машинного масла.

— Я модельщиком работал, — сказал Тесов. — На литейном. В основном с деревом и смолами. А глина уже потом пристала. Здесь есть небольшая печь, отдельно от сборки. Когда набирается партия и всё высохнет, обжигаю.

— Всех просите?

— Кто хочет. Некоторые эту затею терпеть не могут. Один сказал: у меня рука каждый день с собой, ещё домой такую не хватало.

Степан подошёл ближе к шкафу.

— А забрать можно?

— Ваше и будет. Только сырое лучше не таскать. Высушу, обожгу, потом заберёте. Хотите — оставите здесь. На место в программе это не влияет.

Он сказал последнюю фразу буднично, как уточнение о сроке готовности, и поставил контейнер на отдельный стол. Инга осталась у стула. Ей не хотелось, чтобы её присутствие превращало согласие Степана в ещё одну часть приёма.

— Я сделаю, — сказал он. — Только пальцы разогнуть вот так не смогу.

Он показал на самую ровную ладонь.

— И не надо. Положите как удобно. Не выйдет без усилия — оставим.

Тесов вытер поверхность влажной губкой и взял из контейнера заранее раскатанный небольшой пласт. Положил его на жёсткую дощечку. Глина была светло-серая, мягкая, но не текла. Мастер устроил рядом опору под предплечье.

— Чистая рука? На коже ничего свежего, открытого нет?

— Нет.

— Тогда сначала просто положите. Давить не нужно.

Степан посмотрел на Ингу.

— Это ведь не нагрузка?

— Если без нажима и неприятного натяжения. При неудобстве сразу убирайте руку. Делать не обязательно.

Он подтянул стул. Тесов подвинул дощечку к нему, а не попросил вытянуться через стол.

Правая кисть опустилась на влажную поверхность. Пальцы легли не в ряд: один чуть ближе, другой остался согнут сильнее. На краю обозначился ноготь. Степан попробовал было расправить мизинец левой рукой.

— Оставьте, — сказал Тесов. — Красивее не требуется.

Он не нажимал сверху, только проверил, удобно ли лежит предплечье. Затем попросил поднять кисть, не сдвигая её вдоль пласта. Один палец задержался, и у края отпечатка потянулась невысокая складка.

Степан убрал руку. На ладони остался тонкий серый налёт. Тесов подал влажное полотенце и указал на раковину: можно было смыть, не тянуться через рабочий стол.

Инга посмотрела на отпечаток. Он не был похож на изображение в учебнике. Часть ладони отпечаталась ясно, часть едва касалась поверхности; короткая складка у пальца придавала всей вещи незавершённость. Здесь нельзя было измерить ни объём движений, ни силу. Был след одного положения руки в мягком материале.

— С этой стороны край подровняю, — сказал Тесов. — Сам отпечаток не трону.

— И вот это не надо.

Степан указал на вытянутую складку.

— Это от снятия. Могу сгладить.

— Не надо. Я так снял.

Тесов убрал деревянную палочку.

— Хорошо.

Для обозначения он предложил написать имя на полях, поставить буквы или оставить номер, связанный с отдельной карточкой.

— «Степан» напишите, — сказал тот. — Без фамилии.

Мастер вывел имя не на лицевой стороне, а на небольшом свободном участке у нижнего края. Потом развернул дощечку так, чтобы надпись можно было прочесть.

— Так?

— Да.

— Сфотографировать разрешите? До сушки. Бывает, край поведёт или трещина пойдёт, тогда смотрю, каким был. Снимки вам тоже отдам. Никуда вывешивать не буду.

Степан согласился.

Тесов принёс небольшой фотоаппарат из ящика. В кадр вошли плитка целиком и карточка с датой; затем он поставил лампу сбоку и снял поверхность ещё раз. Инга по просьбе мастера придержала карточку, пока он менял угол света. Руку Степана отдельно не фотографировали.

— Вам в карту это нужно? — спросил Степан.

— Нет, — ответила Инга. — У Марии своя запись осмотра. Эти снимки — про вашу вещь.

Тесов показал ему оба кадра на экране. При боковом свете складка стала заметнее.

— После сушки цвет уйдёт светлее. И размер немного изменится. После обжига тоже будет усадка, — сказал он. — Не пугайтесь, будто рука стала другой. Ещё может повести плоскость. Я сушу медленно, но глина обещаний не даёт.

— Когда готово?

— Не к следующему вашему выходу. Сначала должно просохнуть по всей толщине, потом обжиг и остывание. Я скажу. Сегодня накрою свободно, чтобы край раньше середины не высох.

Он поставил дощечку на ровную полку в другой части шкафа, без готовых изделий. Плёнку поднял над поверхностью на небольших подпорках, не касаясь отпечатка.

Степан подошёл посмотреть место. На внутренней стороне дверцы висел простой лист размещения: полка, обозначение вещи, дата, что предстоит сделать.

Тесов вписал имя и сегодняшний день.

— Ключ у меня и у сотрудника, который отвечает за хранение. Он может открыть, если меня нет. Чтобы вашу дощечку не переставили под чужую, здесь оставляю запись.

— Тут никто не сидит?

— Постоянно — нет. Я в основном за тем столом. Камеры на шкаф тоже нет. Вещи закрываем, когда уходим.

Он показал Степану строку и добавил, что отпечаток оставлен на сушку и обжиг с разрешения владельца. Не пред-

ложил подписывать медицинское согласие, не взял с него обязательства хранить вещь в мастерской. Степан прочёл, поставил свою отметку и попросил прислать фотографии лично.

Инга вспомнила, как в кабинете он хотел повторить удавшееся действие, чтобы оно перестало быть случайностью. Теперь перед ним лежал результат, который не требовалось улучшать. Она не стала говорить ему об этом.

Тесов закрыл дверцу. На стекле осталось размытое отражение лампы; за ним виднелся приподнятый край плёнки.

Степан вымыл руки, тщательно смыл глину у ногтей и вернулся за фартуком. Сложить его ровно не получилось — боковая застёжка попала внутрь и подняла ткань бугром. Он поправил её левой, убрал фартук в пакет. До автобуса оставалось достаточно времени, чтобы не бежать.

У выхода Тесов задержался возле рабочего стола. Три принятых узла лежали отдельно от несобранных частей. Под ними была записка о сегодняшней пробе. Мастер взял карандаш и коснулся им нового основания с боковым упором.

— Настройку до следующего раза оставлять?

Степан уже надел куртку. Он повернулся к столу, не оглядываясь на Ингу.

— Оставлять. Мне так подходит.

Глава 3. Общий лоток

— Не закрывайте до конца. Здесь тогда к обеду дышать нечем.

— А мне с восьми в шею дышит, — ответила женщина у окна. — Пересядь, если тебе хорошо.

Лыткин остановился между столами с деревянным клинышком в руке.

— Оставим щель сверху. В шею не будет.

— Роман, окно от этого выше не станет.

Он поглядел на створку, потом на клинышек и убрал его в карман.

— Ладно. На перерыве проветрим.

Инга ждала у входа, пока он освободится. Сегодня в мастерской было теснее, чем в четверг, хотя столы стояли на прежних местах. На спинках стульев висели кофты; под край одного лотка подложили сложенную газету, чтобы детали скатывались к руке. Мужчина у дальней стены искал свои очки, не желая брать запасные: в них, по его словам, всё было слишком исправным.

Степан уже переобулся. Фартук с боковыми кнопками висел на нём чуть косо, но не мешал. Он заметил Ингу и поднял левую руку.

После четверга у него был ещё один короткий выход, отдельно от группы. Теперь такое же по длительности занятие

поставили на конец общего утреннего отрезка. Добавлять ему время ради знакомства с остальными не собирались; после своего окончания он мог остаться на обед.

— Вы к Шубину? — спросил Лыткин, подходя.

— Да. Мы договорились посмотреть начало и потом обсудить его запись.

— Я предупредил. Только у нас сегодня без экскурсии.

— Мне так и нужно.

Роман был моложе, чем показался Инге по телефону. На манжетах его рабочей рубашки ткань истёрлась до белого, а на поясе висел небольшой таймер. Он не повёл её вдоль столов. Показал свободный стул сбоку от Степана и сказал группе, что врач пришла по его приглашению; чужие занятия разбирать не будут.

Женщина у окна вернулась к детали. Мужчина нашёл очки в нагрудном кармане и объявил, что мастерская может продолжать.

Упор Тесова оставался на месте. Степан проверил отметку на основании, подвинул стул, положил предплечье на опору.

— После прошлого раза как было? — негромко спросила Инга.

— К вечеру тянуло. Отдохнул — меньше. Утром как обычно.

— В клинику сообщили?

— По их форме отправил. Ответили пока не прибавлять.

Я не прибавляю.

Он показал сообщение на телефоне. Инга прочла только ответ об условиях следующих выходов и вернула аппарат. Лыткин тем временем поставил рядом две неглубокие ёмкости: корпуса и вставки для небольших соединительных узлов кабельного короба.

— Сначала комплектуете, потом в основание. Правую убрали — работаете рычагом. Если не село, не додавливаете. В сторону, я посмотрю.

— Помню.

— Хорошо. Но я всё равно скажу.

Он проверил, не мешает ли рукаву край стола, и отошёл к соседнему месту.

Степан выбрал корпус, повернул его к свету. Соседка, та самая, что спорила об окне, подвинула свою лампу.

— Не туда смотришь. Заусенец с этой стороны бывает.

Она показала ногтем край, но деталь у него не взяла.

— Лариса, — сказала она. — Если забудешь, на шкафчике написано.

— Степан.

— Это уже слышали.

На её столе лежали готовые узлы, каждый повёрнут в одну сторону. Лариса работала медленно: сначала укладывала всё необходимое, потом выполняла одно действие и только после него брала следующую деталь. Рукав не закрывал длинный бледный рубец на предплечье. Когда Степан потянулся

удержать лёгкий корпус правой рукой, она остановила свою работу.

— Ты его не лови. До стенки лотка подведи, он сам встанет.

— Так дальше брать.

— Зато не держать на весу.

Степан попробовал. Корпус упёрся в стенку, и вставку удалось подать левой рукой, почти не сжимая правую кисть.

— У тебя тоже правая? — спросил он.

— Предплечье. Другая история. Я теперь заранее раскладываю, чтобы потом не бегать пальцами.

Она не стала рассказывать, что произошло. Инга видела, как Степан кивнул и вернулся к своему основанию.

У третьей заготовки вставка не вошла в посадочное место. Степан вынул её, повертел.

— Это я криво?

Лариса протянула ладонь.

— Дай. Здесь два усика свести надо. Роман!

Лыткин подошёл, посмотрел.

— Эти отдельно. Для тебя пока подготовленные беру.

— Я ему сейчас подготовлю, — сказала Лариса. — У меня оправка стоит. Только потом весь ящик не приносите.

Она взяла несколько вставок, уложила одну в своё маленькое приспособление. Действие заняло больше времени, чем Инга ожидала. Лариса не торопилась и не объясняла каждое движение.

Готовые узлы Роман проверял и складывал в синий лоток между двумя столами. На его торце под прозрачной лентой стояло «КС-24/10-Б». Такие же буквы и цифры Инга заметила на двух пустых коробках у стеллажа.

Степан закончил очередное соединение, отвёл рычаг и взял следующий корпус.

Лыткин коснулся пальцем таймера.

— Перерыв.

— Один остался.

— Он здесь и после перерыва останется. Никуда сам не соберётся.

Степан положил корпус обратно. Роман не стал хвалить его за послушание, только освободил проход к умывальнику. Когда Степан встал, Лариса передала инструктору два своих готовых узла. После проверки они легли в тот же синий лоток.

* * *

В обеденной комнате пахло гречкой и мокрыми варежками. Варежки сушились на батарее, хотя на улице ещё не было снега; кто-то утром держался ими за сырой велосипедный руль.

Инге предложили еду, и она согласилась, заплатив за свой обед у окна выдачи. Степан занял место рядом с Ларисой. Сначала положил на соседний стул пакет, потом увидел мужчину с подносом и убрал.

— Здесь свободно.

— Уже нет, — сказал мужчина и сел.

На указательном пальце у него была синяя чернильная полоса. Он открыл хлебницу и недовольно посмотрел на ломтики.

— Опять тонко. Это хлеб или закладка?

— Возьми две, — сказала Лариса.

— Тогда вопрос к толщине снят.

Степан улыбнулся. Инга впервые услышала, как он смеётся в мастерской не из вежливости к тому, кто ему помогает.

Речь зашла о куртках. Мужчина с чернильным пальцем купил новую и теперь всякий раз просил жену зацепить бегунок молнии.

— Карманов девять. Застегнуть нельзя. Зато карман для пропуска предусмотрели.

— У меня фартук поварской, — сказал Степан. — Сбоку кнопки. Пока довольны и я, и детали.

— Поварской тебе идёт, — ответила Лариса. — Только гречку не улучшай. Её один раз уже улучшили.

Лыткин разносил оставшиеся приборы. У женщины с краю не открывалась упаковка творога: язычок оторвался, плёнка осталась целой. Она подала её Роману.

Он попробовал потянуть за угол, затем взял чистый нож с раздаточного стола.

— Это явно не на людях испытывали.

— На молодых испытывали, — сказала женщина.

— Молодые потом тоже стареют. Надо производителю со-

общить.

Он открыл упаковку, оставил нож у мойки и сел на несколько минут, не снимая таймера с пояса.

Мужчина с чернильным пальцем спросил Степана, каким автобусом тот добирается. Оказалось, от пересадки можно пройти через двор магазина и не обходить длинный забор.

— Там ступеньки, — предупредила Лариса.

— Три.

— Четыре. Нижняя в луже, ты её за ступеньку не считаешь.

Степан записал название остановки. Потом мужчина спросил, когда у него первый расчёт.

— Ещё не было. По завершённым выходам сказали.

— Вот это главное. Мне до ваших коридоров далеко, я за бесплатно через весь город не поеду.

Женщина с творогом покачала головой.

— Я бы ездила. Не каждый день, но ездила. Дома телевизор отвечает раньше, чем спросишь.

— А я за стол держусь, — сказала Лариса. — Здесь можно разложить и не убирать каждые полчаса. И никто над душой не стоит: ну что там у тебя, ещё долго?

— Я стою, — заметил Роман.

— Ты ходишь. Это терпимо.

Инга ела и слушала. В четверг она проверяла положение кисти, упор и досягаемость лотка. Сегодня выяснялось, что у этого места были и другие свойства: здесь знали, кому ну-

жен стул без подлокотников, кто не любит сладкую кашу и с кем нельзя говорить, пока он считает. На соседнюю тарелку положили лишний кусок хлеба, даже не спрашивая.

— А второй хват — это название они сами придумали? — спросил Степан.

— Название не знаю, — ответил мужчина. — У нас второй хват был, когда с первого не дожал. К концу дня особенно.

Лариса подняла глаза.

— Или когда упор такой, что хоть третьим хватом. Начинаешь руку обвинять, а у тебя железка гуляет.

— Вот. Поэтому хорошую железку надо кормить, — сказал Роман и потянулся за хлебом.

— Ты сначала свою гречку доешь.

Разговор ушёл к старым столовым и котлетам, которые в разных цехах называли одинаково, хотя делали, судя по рассказам, из разных вещей. Инга не доставала блокнот. Когда Степан перебил мужчину, чтобы поспорить о маршруте автобуса, она доела суп и отнесла тарелку.

* * *

После обеда Степан не вернулся к сборке. Его короткий выход закончился; оставалось получить запись о занятии и согласовать следующий.

Лыткин сидел у небольшого стола возле шкафа с инструментом. Перед ним лежала ведомость, рядом — синий лоток. Он пересчитал узлы, вписал число, затем перевёл его на

лист Степана.

— Двенадцать принято. Следующий раз в то же время?

Степан взял лист. Инга уже надевала куртку, когда он позвал:

— Посмотрите здесь. Это мне потом в клинику показывать?

Она подошла. Он сам повернул карточку к ней.

В строке стояло: «Самостоятельно выполнено и принято — 12 шт.». Ниже были начало, окончание и подпись инструктора. Место для примечания оставалось пустым.

— Если показывать врачу, нужно, чтобы было понятно, что вы делали, — сказала Инга. — Двенадцать — ваши?

Степан посмотрел на лоток.

— Я восемь насчитал. Может, сбился.

— Двенадцать в лотке, — ответил Роман.

Он не понизил голоса и не попытался убрать ведомость.

— Лариса туда ещё свои клала, — сказал Степан.

— Четыре, — отозвалась она от соседнего стола. — Два до твоего перерыва, два после.

Роман повернул лоток маркировкой к себе.

— Точно. Я по месту итог перенёс. Мы сюда с двух столов складывали.

Он взял ручку, но Инга попросила подождать.

— А «самостоятельно» здесь что означает?

— Что делал не за меня. Я проверял, не собирал.

— Вставки кто готовил?

— Часть Лариса. Часть я принёс уже подготовленные. Он соединял.

Степан опустил лист.

— Ну соединял-то я.

— Да, — сказала Инга.

— Сейчас получится, что вообще ничего не сделал. Один лоток принесли, другую часть соседка. Мне тогда можно было не садиться.

Роман откинулся на стуле.

— Никто так не говорит. Восемь твоих. Исправлю.

— Не только число, — ответила Инга. — Если дальше эту строку прочтут без вас, она будет означать, что Степан сам выполнил всё от начала до конца. А здесь была одна операция из нескольких.

Она услышала в собственном голосе привычную сухость. Степан стоял перед ней в фартуке, со своим первым листом результата, и она уже третий раз объясняла, чего этот результат не означал.

Инга сняла куртку с плеча, положила на спинку свободного стула.

— Покажите, что именно вы сегодня сделали. Не снова руками. Расскажите по порядку, я запишу вашими словами.

— Вы же видели.

— Не всё. И считать за вас не хочу.

Он помолчал, затем указал на пустой корпус.

— Укладывал сюда. Вставку ставил. Правую убирал, ле-

вой рычаг. Потом доставал. Восемь раз получилось нормально.

— Приёмку я делал, — добавил Лыткин. — Все восемь прошли.

— А четыре были мои, — сказала Лариса. — Их тоже не надо сиротами оставлять.

Она подошла, вытерев ладонь о фартук.

— И три вставки для тебя я подготовила. Остальные Роман дал. Я не против помочь. Только если потом кто спросит, я ведь не скажу, что сидела и смотрела.

Степан глянул на неё.

— Я и не просил так говорить.

— Знаю. Поэтому пишем как было. Ты собрал, я подготовила. Моя работа твою не съела.

Лыткин постучал ручкой по краю стола.

— У нас форма одна на всех. На одном месте весь узел человек делает, на другом — только соединение. Переносить удобно, потом в конце итоги сводим.

— Для числа изделий удобно, — сказала Инга. — Для описания человека нет.

— Тогда надо отдельную графу.

— Можно начать с примечания. И не заменять этот лист новым, будто здесь сразу стояло другое.

Роман посмотрел на Степана.

— Оставляем и дописываем?

Тот провёл большим пальцем левой руки по сгибу бумаги.

— Оставляем.

Лыткин одной чертой перечеркнул число в индивидуальной строке, рядом поставил восемь, дату и подпись. Отдельно отметил, что двенадцать — общее принятое количество из лотка двух рабочих мест. На обороте описал операцию Степана: соединение подготовленных частей с использованием настроенного основания, опоры предплечья и рычага под левую руку. Помощь в подготовке вставок записал отдельно. Четыре узла Ларисы перенёс в её результат со ссылкой на ту же ведомость.

— Перерыв тоже сюда? — спросил он.

— Был — значит, сюда, — ответил Степан.

Время отдыха удалось уточнить по таймеру и записи начала второго отрезка. Минуты отдельных соединений никто не засекал; этого на листе не появилось.

Роман дал Степану перечитать дополнение. Тот задержался над словом «подготовленных», потом дочитал до конца.

— Нормально. Только я не всё время на опоре держал. Когда доставал, поднимал.

Лыткин уточнил фразу. Инга ничего не добавила от себя.

— У меня останется? — спросил Степан.

— Этот твой. Копию сделаю к занятию.

Пока принтер прогревался, он перевернул карточку ещё раз.

— А мне что записывать дома? Я Марии отправлял только как рука.

Инга взяла чистый лист, но не стала заполнять его за него.

— Когда пришли, сколько работали, где отдыхали. Что делали сами и какая помощь понадобилась. После — как чувствовали себя, сколько восстанавливались. Не надо специально пробовать дома ещё что-нибудь, чтобы проверить.

— Каждый рычаг считать?

— Если для результата считаете — записывайте. Но это не соревнование. Можно один выход на половине листа.

Лариса достала из кармана небольшую тетрадь, показала только свою текущую страницу. Там были дата, несколько чисел и короткая запись: «другой стул — хуже».

— Я раньше всё по памяти. Потом думаешь: это во вторник было или в четверг. И оба вторники.

Степан попросил у Романа два чистых бланка. На первом написал сегодняшнюю дату, время и восемь принятых узлов. Подумал и добавил в скобках: «соединение». Затем — перерыв и помощь с подготовкой.

Запись о вечернем состоянии он оставил незаполненной.

Инга не сфотографировала ни Ларисину тетрадь, ни общую ведомость. По просьбе Степана она посмотрела его лист; для нынешнего разговора этого было достаточно. Остальные лотки могли учитываться иначе, и она пока не знала, как.

У выхода Степан задержался, застёгивая куртку.

— Из-за этого приходить не отменяется?

— Из-за уточнения записи — нет. Условия пробы преж-

ние. По самочувствию связываетесь с клиникой, как договорились.

Он убрал оба листа в папку, которую теперь носил с собой. Из мастерской донёсся голос Ларисы: кто-то поставил её лампу обратно к окну, и она требовала вернуть свет на стол.

— Она строгая, — сказал Степан.

— Вы ей уже лампу двигали?

— Нет. Я теперь и не буду.

* * *

Глиняный отпечаток был готов только через две недели.

К тому времени несколько следующих коротких выходов Степана уже состоялись. Обычная жизнь мастерской не остановилась ради его вещи: глина досыхала под неплотно лежащей плёнкой, затем без неё; Тесов дождался готовности всей небольшой партии и провёл обжиг. После печи плитки ещё остывали. Сообщение о готовности он прислал, когда отпечаток можно было взять в руки.

Инга приехала в заранее отведённое время обсудить со Степаном записи первых выходов. Тесов попросил их зайти к нему перед уходом.

На чистой дощечке лежала светлая неглазурованная плитка. Влажная глина была темнее; теперь ладонь казалась менее глубокой, хотя складка возле пальца сохранилась. Степан наклонился, не касаясь поверхности.

— Меньше стала.

— Вся плитка меньше, — ответил Тесов. — Я предупреждал. Вода ушла, при обжиге ещё села. По ней руку не меряй.

— Я не меряю. Просто вижу.

Тесов перевернул вещь, показал нижнюю сторону и положил обратно на подкладку. Край чуть поднялся, но плитка лежала устойчиво.

— Вот здесь плоскость немного повело. Отпечаток не правил. Твоя складка на месте.

Степан провёл левой рукой над поверхностью, остановив палец в нескольких сантиметрах.

— Трогать уже можно?

— Можно. Только чистыми. Матовая поверхность всё собирает.

Он вымыл руки и осторожно коснулся свободного края. Инга смотрела, как он меняет положение плитки, выбирая свет. В мастерской его рука всё время выполняла отдельную задачу; здесь он разглядывал целое, не пытаясь ничего сделать лучше.

Тесов достал фотоаппарат.

— Теперь снимем после обжига. Тебе отправлю вместе с первыми.

Он положил рядом карточку с датой и обозначением, снял плитку сверху, затем переставил лампу сбоку. Степан попросил ещё один кадр с противоположной стороны: тень закрывала начало имени. Мастер сделал и его.

— Эти оставляем? — спросил он, показывая экран.

— Да. Только тот тоже пришлите, где имя в тени.

— Все пришлю.

На листе размещения прежняя строка не исчезла. К ней добавились завершение обжига и новое место — верхняя полка, отдельная подкладка. Тесов записал сегодняшнюю съёмку и повернул лист к владельцу.

— Забираешь?

Степан посмотрел на свой тонкий пакет для фартука.

— Не сегодня. Я дома ещё не решил, куда. Можно пока здесь?

— Можно. Скажешь — упакую для дороги.

Степан отметил, что оставляет вещь. Тесов положил её в шкаф, на указанное место, и повернул ключ. У кого он хранится, уже было записано; нового обещания непрерывно следить за полкой никто не давал.

Через открытую дверь сборочной комнаты донёсся звук клейкой ленты. Возле стеллажа упаковывали коробки. Мужчина в сером жилете сверял наклейки с листом, который держал на жёсткой папке.

— Эта не закрыта по комплектности, — сказал он работнику с рулоном. — Не заклеивайте. Остальные можно выносить.

Тесов убрал фотоаппарат в ящик.

— Глеб, минуту. Это Инга Николаевна, со Степаном работает.

Мужчина обернулся, поздоровался.

— Костров. Производственный партнёр программы.

Он придержал дверь, пока работник провозил тележку с коробками. На жилете у него была небольшая надпись «Малый узел».

— Вы это всё забираете? — спросил Степан.

— То, что принято и укомплектовано. Неполную коробку оставляем до следующего раза.

— Я думал, наши пока учебные.

Костров опустил папку.

— Здесь продукция занятий. Часть идёт на реализацию, об этом в условиях есть. Деньги помогают покрывать расходы мастерской. Для покупателя всё равно нужно проверить качество и комплектность.

Лыткин, подошедший из сборочной, подтвердил, что брак отдельно и эти узлы повторно проверены. Потом спросил Кострова, когда вернут пустую тару.

— В четверг. Если вам раньше нужно, скажите сегодня, согласую.

Ни спора, ни требования немедленно досидеть за столами не последовало. Работник вынес ещё одну коробку. Костров проверил номер, поставил отметку и пропустил его к машине.

На боковой наклейке Инга увидела знакомое «КС-24/10-Б». Несколько коробок имели тот же код. Он мог обозначать вид узла, выпуск или задание — у неё пока не было расшиф-

ровки. Само наличие одинаковых наклеек говорило только о том, что изделия учитывали и отправляли вместе.

Степан у двери проверял время следующего посещения. Лыткин назвал его, Степан посмотрел в календарь и подтвердил. Затем спрятал телефон, достал из папки свою карточку и положил сверху, чтобы заполнить дома.

Коробки уходили к машине с ровными печатными этикетками. На листе Степана по-прежнему различалось перечёркнутое число двенадцать; рядом стояло восемь, а на обороте оставались три строки о том, как именно эти восемь были сделаны.

Глава 4. Первая покупка

В его строке не хватало одного узла.

Степан пересчитал отметки в своей карточке, потом в листке, который выдали вместе с расчётом. За сегодняшний выход стояло шесть. Он сделал семь — не целиком, конечно: вставки были подготовлены, рычаг шёл под левую руку. Но соединений было семь. Последнее он помнил особенно хорошо, потому что Лыткин забрал его со стола не в синий лоток, а к себе.

— Если не сходится, спроси сейчас, — сказала Лариса. — Дома цифры друг друга не догонят.

Она сидела боком к проходу и убирала оставшиеся части в мелкие ячейки. Сначала раскладывала их, потом закрывала крышку. Степан уже знал, что помогать ей складывать всё в одну кучку не надо.

— Один не поставили.

— Который Роман унёс?

— Наверное.

— Вот у него и спроси. Я только видела, что унёс.

Она прижала крышку левой ладонью. Защёлка не закрылась с первого раза. Лариса поправила край, не прибавляя силы, и снова взялась за карандаш.

Степан подошёл к столу инструктора. Лыткин склонился над чужой карточкой, и пришлось подождать. Из соседней

комнаты доносился запах разогретого супа. Обычно к этому часу Степан уже думал, успеет ли на автобус, но сегодня никуда не торопился. Ему ещё не выдали деньги.

Расчётный лист был тонкий, с обрезанным нижним краем. Вверху напечатали его фамилию, период участия и «Мотивационная поддержка». Ниже шли даты, принятые количества и суммы. Степан водил ногтем по строкам. Тот выход, когда из двенадцати ему оставили восемь, был записан правильно. Четыре Ларисиных сюда не попали.

— Роман, у тебя один лежит?

Лыткин поднял голову.

— Из сегодняшних? Сейчас.

Он выдвинул плоский лоток. В отдельной ячейке лежал узел с бумажной полоской.

— На контроль откладывал. Кромка мне не понравилась.

— Это я не довёл?

— Нет, не дави ты всё на себя. На детали след. Хотел посмотреть, не мешает ли посадке.

Он включил лампу, повернул узел несколько раз, проверил его приспособлением с узкой прорезью. Степан смотрел на знакомое движение. Когда Лыткин принимал первые три штуки, казалось, он делает что-то недоступное, почти врачебное. Теперь было видно, куда он смотрит и зачем переворачивает.

— Проходит. Отмечу. У тебя в карточке семь?

— Семь. Я этот отдельно записал: у тебя на проверке.

— Тогда сходится.

Лыткин поставил отметку и перенёс узел в принятые. Степан не сразу ушёл.

— А если бы не прошёл?

— В принятое бы не поставили.

— Даже если сама деталь такая?

Роман отложил ручку.

— Тогда в замечании так и было бы: исходная деталь. Не твоя ошибка. А поддержку сейчас считают по принятому результату, вот по этой строке.

Он показал место в листке. Пятьдесят рублей за соединение. Не за весь узел, не за подготовку вставок. Степан видел этот порядок раньше, в приложении к условиям, но тогда пятьдесят рублей ничего не весили. Теперь можно было умножить на сделанное.

— Значит, ещё пятьдесят.

— Значит, ещё пятьдесят. Подойди к выдаче через минуту, я передам.

Лыткин протянул ему карточку.

— Следующий раз по прежнему времени. Не раньше. И паузу посреди не убираем.

— Я не убирал.

— Знаю. Напоминаю, потому что ты уже спрашивал, можно ли эти минуты в конце присоединить.

Степан убрал карточку под расчёт. Спрашивал. Ему тогда казалось, что это даже удобнее: закончил бы всё разом, а от-

дыхал в автобусе. Сейчас спорить не хотелось.

За столом у двери женщина, выдававшая деньги, сравнила сообщение на экране с ведомостью. Старый листок оставила у себя, новый распечатала. Две тысячи триста рублей. Сорок шесть принятых соединений за несколько коротких выходов.

— Пересчитайте, пожалуйста.

Степан вынул купюры из белого конверта. Две тысячи, двести, сто. Он проверил ещё раз, хотя ошибиться было трудно.

— Верно.

Женщина повернула ведомость к нему, закрыв чужие строки чистым листом. Степан расписался левой. Подпись вышла шире обычной и поползла вверх. Пришлось придержать бумагу правой ладонью, не расправляя пальцев.

— Свой расчёт заберите.

Он сложил деньги обратно. Конверт оказался слишком длинным для внутреннего кармана, и Степан согнул его пополам.

У своего стола он задержался, хотя мог уже переобуваться. На коврике осталось несколько пустых бумажных полосок, которыми разделяли детали. Он собрал их, протёр место влажной салфеткой, убрал таймер туда, откуда брал. Оснастку не трогал. Тесов велел не крутить упор при уборке, и это нравилось Степану: к следующему разу на столе должно было сохраниться что-то его.

Лоток с оставшимися частями надо было отнести на стел-

лаж. Степан сдвинул его к краю, прикинул, как взять левой снизу.

— Оставь, — сказал проходивший Лыткин. — Я унесу.

— Он лёгкий.

— Зато широкий. Я всё равно туда.

Степан ещё держал край. В лотке было мало деталей; отдать его из-за нескольких шагов казалось нелепым. Роман не тянул, стоял рядом. Пришлось либо поднять, либо отпустить.

— Ладно. Только бумажка моя снизу.

Лыткин вынул бумажку, отдал ему и понёс лоток.

Лариса застёгивала кофту. У неё оставалось другое задание после обеда, а у Степана на сегодня всё закончилось.

— Проверил? — спросила она.

— Две триста.

— Я про то, сходится ли.

— Сходится.

— Ну и хорошо.

Он хотел сказать, что это немного, заранее снять с неё обязанность радоваться. Но Лариса уже отвернулась к столу, разглядывая пятно на рукаве. Никакого поздравления не требовалось.

В раздевалке Степан снял фартук, расправил боковые кнопки, чтобы не давили через пакет. Потом ещё раз потрогал внутренний карман. Деньги были там. Не возврат за дорогу, не перевод на лекарства, не сумма, которую сестра по-

ложила возле хлебницы и сделала вид, что забыла.

Он застегнул куртку. На улице ветер погнал по двору лёгкий обрывок упаковки. До остановки шли ещё двое из группы; один рассказывал другому, как ночью сосед пытался занести в лифт ванну. Степан вышел за ними и успел спросить, занёс ли.

* * *

Из автобуса он вышел на одну остановку раньше.

Здесь был большой магазин, куда они с сестрой обычно ездили в выходной. Она брала тележку, он шёл рядом и иногда говорил, что дома ещё осталось масло или рис. Раньше такие замечания казались участием. Потом стал замечать, что сестра и без него помнила, что осталось.

Сегодня списка не было.

У входа стояли корзины на колёсиках. Степан вытащил одну за высокую ручку, проверил, все ли колёса поворачиваются. Правая кисть после дороги ныла негромко, привычно, словно внутри рукава тесно лежала какая-то вещь. Он поправил манжету. Рукав не давил.

Сначала пошёл к рыбе. Сестра любила скумбрию, но покупала редко: говорила, потом от разделочной доски ничем не отмоешь. В холодильнике лежали целые рыбины в плотной упаковке и маленькие кусочки без кожи. Степан постоял перед ценниками. Большая упаковка выглядела выгоднее, пока он не представил, как они третий день доедают её по обязанности.

Взял небольшую, с уже нарезанной рыбой. Ещё огурцы, творог и пачку печенья с лимонной начинкой. Сестра выбирала такое в дорогу, а дома всё время оказывалось другое — большое, дешёвое, которое дольше не кончалось.

У овощей он нашёл картофель в сетке. Поднял левой, сразу поставил обратно. Пять килограммов. Рядом был россыпью; Степан раскрыл тонкий пакет, выбрал несколько небольших картофелин. Пакет никак не вставал на весы ровно. Он придержал его правой за край, и неприятное ощущение в кисти стало отчётливее.

Он отпустил пакет. Подождал, пока цифры перестанут меняться, нажал на картинку картошки.

Наклейка приклеилась к самой себе. Пришлось взять вторую.

У дальнего стеллажа продавали электрические чайники. На коробке с красной полосой было написано, сколько он сэкономит, если купит сегодня. Домашний чайник не выключался сам с первого раза; сестра снимала его с подставки, не дожидаясь. Степан давно хотел заменить. Сейчас он мог.

Он вынул конверт, не раскрывая, и приложил к коробке боком, будто нужно было сравнить размеры. Потом поставил коробку обратно. После чайника почти ничего не осталось бы. И сестра уже говорила, что ей нужен с широкой крышкой, чтобы мыть внутри. У этого крышка открывалась узко, декоративно.

Не обязательно было покупать вещь только потому, что

хватало денег.

Возле молока он заметил бутылку, которую машинально положил в корзину, и вспомнил: дома вчера открыли новую. Вернул. Сок тоже убрал. Хотелось принести много, чтобы стол сразу стал полным, но полным его делали тяжёлые пакеты, которые потом пришлось бы вручить сестре.

Вместо сока он взял два яблока.

У кассы самообслуживания было свободно. Степан подошёл, поставил корзину и начал перекладывать покупки на небольшую полку. Штрихкод на твороге оказался сбоку. Он поворачивал пачку левой, а правой придерживал пакет с овощами, который всё время сползал. Аппарат попросил дождаться сотрудника.

Девушка пришла, посмотрела на экран.

— Печенье два раза прошло.

— Одно у меня.

— Вижу. Сейчас уберу.

Она наклонилась к терминалу, и Степан смотрел на её короткие ногти с облупившимся прозрачным лаком. Когда-то он тоже просто ждал, пока кассир исправит ошибку, не думая, сколько ещё вещей придётся взять в руки до выхода.

— Готово. Пакет нужен?

— Один маленький. И вот сюда можно отдельно?

Он показал тканевую сумку, которую носил сложенной в кармане. Девушка подала пакет, не стала укладывать сама. Степан переложил картофель и огурцы вниз, творог и рыбу

поставил сверху. Печенье с яблоками — в отдельный пакет. Получилось не так тяжело, как он опасался, но возни было больше, чем веса.

Итог на экране составил восемьсот шестьдесят четыре рубля.

Он заплатил тысячной. Сдача вышла монетами и купюрами; монеты оставил в кармане куртки, не пытаясь сразу разложить. Чек взял. Не для того, чтобы предъявить сестре, — просто это был его чек.

За кассами имелась широкая скамья. Степан сел, положил руку на сумку и посмотрел на часы. Торопиться было некуда: сестра сегодня работала до пяти. Можно было подождать следующий автобус и доехать одну остановку почти к дому.

Он достал телефон. В списке заметок сверху была карточка выхода. Время начала и окончания уже стояло, принятых соединений — семь. Рядом он дописал: «Один после проверки».

Ниже оставалась строка про самочувствие.

Кисть тянуло от запястья к пальцам. Не сильно, говорил он себе, просто после стола ещё магазин. И автобус трясся, и в куртке жарко. Если сейчас записать всё подряд, получится, что день не удался. А день удался: узел приняли, расчёт сошёлся, продукты выбраны.

Степан убрал телефон. Вечером запишет. Для вечера и оставлена строка.

Сумку он повесил на левое плечо, маленький пакет взял

той же рукой. На остановке поставил покупки на сухую часть скамьи. Пока ждал, позвонил сестре.

— Ты когда сегодня?

— Как обычно. Что случилось?

— Ничего. Я продукты купил.

— Какие?

Он посмотрел на торчащую пачку печенья.

— На ужин. Не покупай по дороге.

— Хлеб взял?

Хлеба он не взял.

— Забыл.

— Я возьму. Мне всё равно мимо.

Ему захотелось вернуться и купить, чтобы она вообще никуда не заходила. Но автобус уже показывался за перекрёстком. Степан поднял сумку левой рукой.

— Возьми маленький, — сказал он. — Картошка будет.

* * *

Сестра нашла его на кухне. Картофель варился, рыба лежала на блюдце, огурцы были вымыты и оставлены целиком. Степан не стал резать: можно и так, а нож после работы слушался плохо.

Она поставила хлеб на стол, сняла сумку с плеча.

— Ты чего столько?

— Чего столько? Тут на один раз.

— Я про посуду. У нас ещё вчерашняя еда есть.

— Завтра доедим.

Она посмотрела на рыбу, на пачку печенья, потом на него.

— Получил?

— Да.

Степан вытер левую руку о полотенце, достал из кармана конверт. Тысячную он ещё в магазине отделил от сдачи. Теперь положил её обратно в белую бумагу и протянул сестре.

— Это тебе. За жильё.

Она не взяла. Сначала расстегнула куртку, повесила на крючок, вымыла руки. Степан держал конверт всё это время, пока не почувствовал, как нелепо стоит возле плиты.

— На стол положи, — сказала она.

Он положил.

— Не надо так на меня смотреть. Я не украл.

— Я и не говорю, что украл.

— Тогда чего?

Сестра открыла хлебницу. Внутри лежал засохший край батона; она вынула его на отдельное блюдце.

— Почему за жильё?

— Я здесь живу.

— Это я заметила.

— И ем. И свет жгу. Ты всё оплачиваешь.

— Ты сегодня что хочешь оплатить?

Он кивнул на конверт.

— Вот.

— Степан, я вижу. Что именно?

Вода в кастрюле поднялась к крышке. Он повернулся, вы-

ключил конфорку. Кастрюлю снимать пока не стал.

— Ну скажи сумму, если мало.

Сестра прислонилась бедром к столу.

— Не делай из меня хозяйку комнаты, которая стесняется назвать цену. Я тебе сдавала что-нибудь?

— А мне как? Так и сидеть?

— Ты не сидишь. Ты ходишь туда, пробуешь. Я рада. Только мне завтра утром надо знать, ехать с тобой или не ехать. А ты кладёшь тысячу — и будто мы всё решили.

Он подтянул конверт ближе к себе. Бумага зашуршала по клеёнке.

Ему казалось, она должна была взять деньги и сказать что-нибудь простое. Не обязательно спасибо. Можно было: пригодятся. Тогда он сел бы, а она сняла кастрюлю, и они поели бы, как люди, у которых закончился рабочий день. Вместо этого снова выходило, что он сделал не то и теперь надо объяснять, как правильно.

— Я не за всё, — сказал он. — Понемногу.

— За всё и не получится.

Она произнесла без злости, от чего стало хуже.

Сестра потянулась к кастрюле, взяла прихватки.

— Давай солью. Ты тарелки поставь.

Он достал две тарелки, левой по одной. Потом вилки. Пока она сливала воду, пар закрыл окно над раковиной. На стекле проступили старые разводы, которые днём были не видны.

Сели не сразу. Сестра переоделась, Степан убрал упаковки и вытер стол. Конверт остался возле хлебницы.

— Давай на этот месяц, — сказала она, вернувшись. — Не вообще.

— Давай.

— Ты сам оплачиваешь свои поездки туда. Маленькие продукты можешь брать. Только чтобы мы не покупали одно и то же. Написал — куплю творог, я уже не беру.

— Я могу не только творог.

— Можешь. Я пример привела.

Он отломил вилкой край картофелины. Середина ещё была слишком горячая.

— Тысячу на квартиру оставь.

— На текущую квитанцию?

— Да.

— Хорошо. Не за то, что было с весны. В этот месяц.

Она подвинула конверт к своей стороне стола.

Степан кивнул, стараясь не показать, какое облегчение это принесло. Хоть одна часть задуманного осталась на месте.

— В субботу я с утра ухожу, — сказала сестра. — Мы с подругой договорились. Вернусь после обеда, может, позже.

— Куда?

— Сначала по её делам, потом посидим где-нибудь.

Он хотел спросить, надолго ли, и удержался. Она только что сказала.

— Я разогрею.

— Угу. И не планируй на этот день, что вдвоём бельё повесим. Я постираю вечером.

— Лёгкое я могу.

— Тогда лёгкое сам. Постельное пока оставим мне. А окна не трогаем.

— Я про окна ничего не говорил.

— Ты вчера на них смотрел.

— У тебя теперь и смотреть нельзя?

Она наконец улыбнулась.

— Смотреть бесплатно.

Они поели. Рыба оказалась пересоленной, но сестра сказала, что с картошкой нормально. Печенье она отложила к чаю и спросила, так ли на самом деле надо называть деньги, которые ему дали.

— Как?

— Мотивация. Ты же мне по телефону говорил.

— Поддержка. Мотивационная.

— Длинно.

— На бумаге помещается.

Он показал расчёт. Она просмотрела только верх и итог, пальцем придержала угол.

— Это за сколько?

— За несколько раз. Тут по дням. Сегодня один сначала не посчитали, потом проверили — добавили.

— Сам спросил?

— Лариса сказала, чтобы до дома не нёс. А то там все решат, что я получил и доволен.

Он забрал лист. Сестра не стала проверять умножение.

— Лариса — это которая тебе с деталями помогала?

— Она. Сегодня мужчина очки опять потерял. Половину стола разобрали. А они у него на затылке, на резинке. Он их поднял и забыл.

— Ты нашёл?

— Лариса. Он говорит: чего сразу не сказала? А она: я думала, это у тебя второе рабочее положение.

Сестра засмеялась с полным ртом и закрыла его ладонью. Степан дождался, пока она прожуёт, и рассказал, как Лыткин взялся исправлять окно деревянным клином. Не всё было сегодняшним, но от этого рассказ не становился хуже.

Потом она заговорила о своей работе. Там привезли шкаф, который не проходил в дверь собранным, а разбирать запретили, потому что его уже приняли. Два дня ходили мимо шкафа в коридоре и обсуждали, кто должен написать письмо. Степан спросил, нельзя ли снять дверное полотно.

— Сняли. Не проходит.

— Значит, не ту дверь сняли.

— Тебя им и не хватало.

Она рассказывала дальше. Он слушал, иногда спрашивал. Про его руку некоторое время никто не говорил.

После чая сестра унесла конверт к квитанциям. Вернулась за телефоном.

— Я сейчас с подругой поговорю. Потом ещё волосы надо высушить.

— Иди. Я здесь уберу.

— Кастрюлю оставь, она тяжёлая.

— Оставлю.

Он сложил рыбу в контейнер, поставил творог в холодильник. Две тарелки вымыл по очереди, оставляя их в раковине и работая левой. Правой только придерживал. Всё шло медленно, но шло. На второй тарелке он уже чувствовал руку сильнее, чем само стекло под пальцами.

На столе осталось мокрое пятно. Степан взял тряпку, смочил, попытался отжать. Левой закрутил ткань, правой удержал другой конец — и сразу отпустил. Боль не была резкой. Просто кисть больше не соглашалась держать, как будто внутри кончился небольшой запас, на котором он доехал, купил продукты и приготовил ужин.

Тряпка упала в раковину.

Он постоял, опираясь левой ладонью на край столешницы. Потом взял сухое полотенце, промокнул им стол и сел. Правое предплечье положил на сложенную кофту, как ему показывали для отдыха. Пальцы оставил свободными. Не стал проверять, получится ли сжать крепче.

Из комнаты донёсся голос сестры:

— Ты там закончил?

— Почти.

— Кастрюлю не трогай.

— Не трогаю.

Она что-то сказала уже в телефон, и обе женщины засмеялись. Степан слушал, не разбирая слов. Обычно, когда сестра разговаривала долго, ему становилось неловко за то, что он занимает кухню, комнату, её вечер. Сегодня на столе стояло купленное им печенье. От этой мелочи было спокойнее.

Он достал карточку. Дата, время, перерыв, семь соединений, помощь с подготовкой. Всё верно. В расчёте за сегодняшний день тоже уже стояло семь.

Писать правой он не пробовал. Левой вывел в нижней строке: «К вечеру устал».

Посмотрел на написанное.

Можно было добавить про магазин, про отжимание тряпки, про то, что после двух тарелок пришлось сесть. Левицкая просила отмечать не только стол в мастерской. Он помнил. Раньше однажды сообщил в клинику, что тянуло, и ему ответили пока ничего не прибавлять. Тогда он согласился. Сейчас он тоже не собирался прибавлять — ни времени, ни деталей. Просто хотелось ещё раз прийти туда, где его место уже было приготовлено.

Сестра появилась в дверях, держа телефон у плеча.

— Рука?

Он поднял глаза.

— Устал.

— Я вижу. Оставь посуду.

— Оставил уже.

Она кивнула и вернулась к разговору. Не подошла осматривать кисть, не стала спрашивать, что записано. Он остался сидеть ещё некоторое время. Понемногу стало легче, хотя неприятное ощущение не ушло совсем.

Потом он убрал сухие вилки и отнёс фартук в свою комнату. Развернул его на спинке стула, проверил, не завернулась ли внутрь боковая застёжка. Рядом положил чистую рубашку на следующий выход.

Карточку он вложил под расчёт. В нижней строке осталось всего три слова. Зато сумму вверху другого листа — две тысячи триста рублей — Степан перечитал ещё раз.

Глава 5. Поздравляем с окончанием

Лариса стояла у двери кабинета с фартуком на руке. Завязка касалась пола; она подняла её, намотала на два пальца и снова распустила.

— Вы сейчас к Степану?

— Через двадцать минут, — сказала Инга. — Мы договорились посмотреть его записи после первых выходов.

— Посидите со мной сначала. Если можете.

Из кабинета вышла сотрудница с коробкой бумаги. Лариса отступила, пропуская её, и заглянула в дверь.

— Тамара, можно Инга Николаевна останется? Вы же про переход мне хотели.

Резник подняла голову от стола.

— Конечно. Даже хорошо. Только мы медицинские подробности без тебя не обсуждаем.

— Я и прошу при мне.

Инга сняла куртку. На вешалке было два свободных крючка, но один держался на единственном винте; она повесила на другой. Лариса положила фартук на колени и села прямо, будто стул был слишком коротким.

На столе перед Резник лежала тонкая папка с фамилией Веденеевой. Рядом стояла чашка, в которой плавала нерас-

крывшаяся чайная пирамидка. Резник отодвинула её за монитор.

— Лариса, у нас по тебе хорошее решение. Ты заканчиваешь основной этап. Качество стабильное, последовательность освоена. Последние замечания по сборке сняты. Мы считаем, что ты готова переходить к самостоятельной работе.

Она вынула лист и повернула его к Ларисе.

— Поздравляю. Правда. Я помню, как ты в первый день даже садиться не хотела.

Лариса не взяла бумагу сразу.

— Садиться я хотела. Стул тогда был высокий.

— Мы же его заменили.

— Заменили, да.

Резник чуть улыбнулась, приняв поправку.

— Теперь ты сама объясняешь новичкам, как удобнее. Это тоже результат.

Инга видела Ларису за столом: ту последовательность коротких движений, в которой не было ничего лишнего. Вставка ложилась в ячейку, корпус поворачивался на основании, крышка подходила к нему уже нужной стороной. Когда что-то не совпадало, Лариса не давила сильнее. Возвращалась на одно действие назад. В этой работе действительно была приобретённая уверенность.

— Какую работу предлагаете? — спросила Инга.

— Сборочную. По освоенному направлению. Есть воз-

можность не менять место сразу, а продолжить здесь через производственного партнёра.

— С какой длительностью?

— Это можно согласовать. У нас не конвейер.

Лариса подтянула лист ближе. Под словом «уведомление» стояла сегодняшняя дата — двадцать седьмое октября. Ниже сообщалось об окончании оплачиваемого участия тридцатого числа в связи с достижением целей индивидуального этапа.

Она прочла ещё раз, теперь медленнее.

— Последний день тридцатого?

— Да. Твой выход остаётся, как в расписании. За принятый результат рассчитаемся.

— А потом поддержка всё?

— По этому этапу — да.

— Не уменьшается. Прекращается?

— Прекращается, Лариса. Но я сразу предлагаю следующий вариант.

Резник открыла вторую половину папки. Новый комплект был толще уведомления; две страницы скреплялись в верхнем углу. На первой стояло название ООО «Малый узел».

— Это проект договора на сборочные работы. С расчётом за принятые изделия. Ты уже знаешь и детали, и требования. Не надо ехать на другой конец города и начинать с людьми, которые тебя не знают.

Лариса посмотрела на последнюю страницу.

— Двадцать восемь?

— За принятое соединение.

— У меня сейчас пятьдесят.

— Сейчас у тебя участие в программе и мотивационная поддержка. Здесь другая форма отношений, прямой договор с партнёром.

— Соединение другое?

— Нет. Лариса, я не говорю, что сумма больше.

В коридоре кто-то передвинул стул. Резник подождала, пока скрежет стихнет, и продолжила:

— Мы не можем держать человека в подготовительном этапе бессрочно. Есть следующие участники. У них тоже травмы, тоже нет места, где начать. Деньги фонда не бесконечные.

— Это «Порог»? — спросила Инга.

— Да. Частное финансирование программы. Мы за него отчитываемся. Но сейчас речь не о том, чтобы тебя просто выставить. Стол остаётся, приспособления остаются, обед можно отдельно оформить.

Лариса подняла глаза.

— Отдельно — за деньги?

— Условия питания ещё уточняем.

— А Роман?

— Инструктор работает с участниками программы. По продукции будет обычная приёмка. Если надо показать новое действие, конечно, покажут.

— Мне не новое. Мне иногда надо лоток подать. Или переставить то, что я сама не держу.

— Такие вещи на месте решаются.

Резник сказала это спокойно, почти мягко. Инга не услышала в её голосе обещания, на которое можно было бы опереться.

— В уведомлении написано «готова к самостоятельной трудовой деятельности», — сказала она. — Что здесь означает самостоятельность?

— Выполнение освоенного задания без постоянного обучения.

— А помощь с подготовкой и переносом?

— Мы не заявляем полного восстановления. Это не медицинское заключение.

— Хорошо. Тогда какие требования работы вы сопоставляли с её возможностями? Время за столом, повторение, перерывы, помощь?

Резник положила ладонь на папку.

— У нас есть результаты наблюдения. И хороший принятый выпуск.

— Лариса разрешила мне присутствовать в разговоре, не смотреть всю её карту. Я сейчас спрашиваю об основании этой фразы.

— Основание — завершение этапа. Вы же сами видели, как она работает.

— Видела короткий отрезок в приспособленных услови-

ях. Он не отвечает на все эти вопросы.

Лариса расправила завязку фартука на колене.

— Я лучше стала делать, — сказала она. — Я не отказываюсь от этого. Раньше два раза вставку ловила, теперь сразу кладу. Но если долго, потом всё равно рука не держит. Вы мне стол даёте тот же?

— Тот же.

— Детали те же?

— Да.

— Останавливаться можно будет, как сейчас?

— Здесь оплата за результат. Ты сама распределяешь время.

— А если я встала, кто моё место держит? И кто подготовит следующую порцию? Сейчас у меня это в занятии есть. В новом листе не вижу.

Резник взяла проект, пролистала.

— Порядок пользования помещением можно дополнить.

— До подписи?

— Разумеется.

— А деньги дополнить можно?

На этот вопрос Резник ответила не сразу.

— Это расценка партнёра. Я могу передать твой вопрос.

Лариса откинулась на спинку. Фартук соскользнул, и она поймала его здоровой рукой.

— Значит, пока мне дают тот же стол дешевле. А то, без чего я за ним работаю, потом допишут.

— Я даю тебе возможность не терять связь с мастерской.

— Я её и не хочу терять.

Впервые голос Ларисы дрогнул. Она опустила глаза на бумаги и некоторое время только переворачивала нижний угол.

Инга не стала заполнять молчание. У неё не было ни описания следующего рабочего дня Ларисы, ни медицинских оснований оценивать его. Но дата, после которой прежние выплаты прекращались, уже стояла на листе.

Резник подвинула ещё одну страницу.

— Здесь ознакомление и согласование перехода. Давай хотя бы зафиксируем, что обсудили.

Лариса прочла две строки над местом для подписи.

— Здесь написано, что с результатом согласна.

— Это стандартная форма.

— Я не согласна. Копии мне дадите?

— Конечно.

— Все эти. И уведомление.

— На уведомлении получение подпишешь?

Лариса посмотрела на Ингу.

— Получить и согласиться — разные действия, — сказала та. — Но прочтите строку, которую подписываете.

Подпись на уведомлении относилась только к вручению экземпляра. Лариса написала дату, затем добавила: «Получено. С основанием окончания участия не согласна». Резник проследила за ручкой, но вычёркивать ничего не попросила.

Лист согласования остался без подписи.

— По новому договору нужен ответ до тридцатого, — сказала Резник. — Чтобы партнёр понимал, на кого рассчитывать.

— Эти условия я не принимаю.

— Можешь ещё подумать.

— Копии я возьму подумать. Подпись пока не возьму.

Резник поднялась к принтеру. Лариса аккуратно сложила фартук, убрала завязки внутрь. Когда ей передали бумаги, она проверила, есть ли в комплекте страница с расценкой.

* * *

В столовой для Ларисы оставили тарелку под крышкой от контейнера. Крышка была мала, лежала на котлете; возле неё гречка уже подсохла.

— Подогреть? — спросила женщина у раздачи.

— Не надо. Я так.

Лариса поставила бумаги на соседний стул лицевой стороной вниз и взяла вилку. Инга села через одно место, оставив ей свободную половину стола.

— Можно потом про это? — спросила Лариса.

— Можно.

Она ела медленно, отделяя вилкой небольшие кусочки. За окном грузовая машина пыталась сдать назад к соседнему складу. Водитель вышел, измерил шагами расстояние до ворот, вернулся в кабину. За стеклом столовой его движения были беззвучными.

Инга взяла чай. Его налили из большого металлического термоса; пахло лимонной коркой, хотя лимона в стакане не было.

Степан пришёл с двумя ломтиками хлеба на блюдце.

— Тебе оставили, — сказал он Ларисе. — Ты всегда тёмный берёшь.

— Спасибо.

Он сел напротив. Посмотрел на фартук, потом на край уведомления, видный из-под папки.

— Ты раньше уходишь?

— Меня заканчивают.

— В смысле?

— Тридцатого последний оплачиваемый выход. Потом можно то же делать за двадцать восемь.

Степан нахмурился.

— Вместо пятидесяти?

— У меня вместо пятидесяти. Твои пока не трогали.

Он потянулся к солонке и передумал.

— Я могу тебе вставки готовить. Там, где ты долго возишься. У меня левой получается. Будет больше выходить.

— Стёпа, у меня дату поставили. Не от вставок теперь зависит.

— Может, поговорить с Романом?

— Он эту дату не назначал. Я у Тамары только что была.

Мужчина за соседним столом повернулся вместе со своим стаканом.

— Я бы пока взял договор. Дома и двадцати восьми не дадут.

Лариса пожала плечом.

— Бери, если тебе предложат.

— Я не учу. Просто место нормальное. У меня на прежнем на табуретке сидеть приходилось, тут хоть спина к вечеру целая.

— Я знаю, какое место. Я за него и спрашиваю.

Женщина у окна отодвинула пустую тарелку.

— А тебе давно сказали, что заканчивать будешь?

— Сегодня.

— Надо же заранее как-то. У меня проездной на следующий месяц уже куплен.

— Тебе пока ничего не сказали, — заметил мужчина.

— Так я и спрашиваю, за сколько говорят.

Разговор на этом не сошёлся. Мужчина ушёл первым, унося стакан к раздаче. Женщина осталась смотреть расписание в телефоне. Никто не предложил собрать всех.

Степан сидел, положив обе руки на край стола. Инга заметила, что он больше не смотрит на папку Ларисы.

— У вас со мной ещё запись, — сказал он.

— Да. Можем после обеда, в назначенное время.

— Я принёс.

Он постучал пальцем по нагрудному карману. Ему, кажется, было важно, чтобы его собственная договорённость не исчезла из-за чужого разговора.

Лариса доела гречку и только тогда убрала крышку с тарелки.

— Я сюда за сорок минут добираюсь, — сказала она Инге. — От дома автобус, потом пешком немного. На другое место ездила смотреть — там от остановки ещё через пути. Зимой не пойду.

— Какое место?

— Упаковка. Мне знакомая дала телефон. Они сказали: лёгкое, коробочки. А коробочки в больших коробках. Поднимать надо. Я даже заявление не оставила.

Она собрала хлебные крошки на край блюдца.

— Здесь стол низко сделали. У меня локоть не висит. Свет слева переставили, чтобы не наклоняться. Роман видит, когда я встала, не спрашивает каждый раз, куда пошла. Это же всё тоже было. Не только сумма.

— Было, — сказала Инга.

— Поэтому мне не надо, чтобы вы сейчас начали: ужасная мастерская, всех спасать. Я сюда хочу. Только по-человечески.

Степан встал отнести тарелки. Ларисину взял после её кивка. На обратном пути задержался у раздачи, о чём-то спросил женщину и вернулся с салфетками.

— Вот. Котлета всё-таки жирная.

Лариса вытерла пальцы. Потом достала из папки уведомление, но не раскрыла его.

— Вы можете посмотреть, что они мне выдали? И расчёт.

Я сама цифры понимаю, а вот где они одно закончили, другое начали — нет.

— Могу обсудить с вами медицинский смысл. Условия и деньги лучше с Софьей.

— Только без газеты.

— Без публикации.

— И без рассказа, что у вас целая группа пожаловалась. Я за себя. Остальные сами решат.

— Так и запишем.

Лариса посмотрела на Степана.

— Ты не обижайся за вставки. Помогать ты можешь. Только я не хочу, чтобы ты теперь за двоих сидел, а у меня всё равно меньше стало.

— Я не за двоих.

— Тогда ладно.

Согласованную беседу со Степаном они провели в маленькой комнате у гардероба. Он показал свои часы, перерывы, принятые количества и короткие записи о состоянии. В одной вечерней строке стояло: «К вечеру устал». Инга уточнила, сколько времени потребовалось для отдыха, и напомнила отметить обычные домашние действия, если они меняют самочувствие. Степан ответил, что понял. Оснований добавлять ему нагрузку не появилось; прежний порядок оставили.

Уже у двери он спросил:

— А когда хорошо получается, они всем так делают?

— Про всех мы не знаем.

— Я не про всех. Со мной могут?

Инга убрала ручку.

— По вашим условиям нужно смотреть отдельно. Сейчас решения об окончании у вас нет.

— Пока нет.

Он сказал это без упрёка, как уточнение времени, и пошёл за курткой. Лариса ждала в коридоре. Она успела позвонить по номеру, который дала Инга; Софья могла принять её на следующий день, после четырёх.

— Я приеду, — сказала Лариса. — Только не раньше. У меня ещё свой выход.

* * *

В офисе Лариса первым делом спросила, где можно вымыть руки. По дороге она порвала пакет с яблоками; одно прокатилось под сиденьем автобуса, и теперь на пальцах оставалась липкость.

Вернулась с маленьким яблоком, завёрнутым в салфетку.

— Это я не вам. Не успела съесть.

— Ешьте, — сказала Софья. — Бумаги подождут две минуты.

Инга закрыла на ноутбуке свою рабочую запись. На столе для встречи оставили только лампу и чистую подкладку. Лариса устроилась так, чтобы не поднимать повреждённое предплечье, надкусила яблоко и достала документы другой рукой.

— Я не подписала. Но они говорят, это всё равно закончится.

— Что именно подписать предлагали?

Лариса показала лист согласования перехода, затем уведомление с собственной припиской. Софья прочла оба, не ставя на них отметок.

— Здесь вы подтвердили только получение. Здесь подписи нет. А свой договор участия принесли?

В папке оказался первоначальный договор, приложение с условиями занятий, листы расчёта и проект от «Малого узла». Лариса положила рядом тетрадь, но открыла только страницы со своими выходами.

— Остальное у меня личное.

— Нам остальное не нужно.

Софья проверила страницы договора по порядку. На одной нашла ссылку на приложение, вернулась к нему. Инга следила за Ларисой: та перестала есть и держала яблоко над салфеткой, будто сейчас от неё понадобится быстрый ответ.

— До какого срока вам первоначально обещали участие? — спросила Софья.

— Восемь недель. Но написано, что этап можно закончить раньше по результатам.

— Вот этот пункт. Он есть. Поэтому я не буду говорить, что сама дата окончания непременно незаконна. Нам нужно узнать, какое решение принято и на чём основано. У вас есть документ оценки, на который они ссылаются?

— Нет. Они мне вчера сказали словами. Что я хорошо делаю.

— Это вы не оспариваете?

— Я хорошо делаю. Медленно. Меня за брак ни разу не снимали.

Софья записала её ответ на отдельном листе.

— Тогда и в обращении не будем писать, будто результата не было.

Инга подвинула уведомление к свету. В нём не называлось ни конкретное рабочее место, ни допустимая продолжительность. Фраза о готовности занимала одну строку; дата прекращения — другую.

— Окончание этапа не означает, что исчезливсе ограничения, — сказала она. — А медицинскую часть вашей истории мы сегодня не разбираем: у меня нет материалов и вы не обращались ко мне для осмотра.

— Но вы же видели руку.

— Видела, как вы выполняли несколько действий. Этого недостаточно для общего заключения. Если понадобится оценка предложенной работы, сначала нужно её описание.

— То есть мне опять к врачу?

— Не обязательно для того, чтобы спросить, почему прекратили участие. Для медицинского вывода может потребоваться отдельная консультация. Это решим с вами, не вместо вас.

Лариса наконец доела яблоко. Сложила салфетку вокруг

огрызка и поискала глазами корзину.

Софья отодвинула её ногой ближе.

— Теперь про новый договор. Здесь двадцать восемь рублей за принятое соединение. Подготовительные действия отдельно не названы. Доступ к столу отсылает к графику, которого в комплекте нет. Помощь инструктора не обещана.

— А гражданский договор вообще нельзя?

— Можно. Вопрос в том, что вы на деле будете делать и как это организовано. Если вам дают задание, определяют расписание, контролируют процесс, это нужно рассматривать вместе. Одного заголовка недостаточно ни для вывода о трудовых отношениях, ни для обратного.

— Мне не обязательно, чтобы называлось красиво. Мне надо знать, сколько получу и что от меня требуют.

— С этого и начнём.

Они положили рядом один из последних расчётов и проект договора. Лариса нашла свой принятый результат — шестьдесят четыре соединения за несколько выходов. По действующей расценке получилось три тысячи двести рублей. По предложенной — тысяча семьсот девяносто два, если принять то же количество.

— До возможных удержаний и при одинаковых условиях приёмки, — уточнила Софья. — Их ещё надо проверить. Это сравнение расценок, не обещание будущего дохода.

Лариса сама вычла разницу на калькуляторе.

— Тысяча четыреста восемь. А обед отдельно.

Она не стала перечислять, что могла бы купить на эти деньги. Переписала число в свою тетрадь и закрыла страницу ладонью.

— Вчера Тамара сказала, я могу сама распределять время. А стол мне когда дадут? Там после нас другая группа.

— Запросим график и порядок пользования местом, — сказала Софья. — И что будет, если вы прекратите работу по самочувствию. Когда сдают результат, кто его принимает, как сообщают о браке. Прежде чем решать, нужны сами условия.

— Я этот вариант не беру.

— Тогда так и напишем. Вы не принимаете предложенный проект. Это не означает, что отказываетесь от любой подходящей работы.

Лариса некоторое время смотрела на новый лист.

— Мне надо, чтобы не получилось: сама ушла.

— В уведомлении решение программы уже есть. Сохраним его. Вы отдельно укажете, что хотите продолжить посильную работу, но с предложенными условиями не согласны.

Софья попросила разрешение сделать копии перечисленных документов для этой консультации и обращения к программе. Лариса согласилась, затем сама повторила границы:

— Для моего вопроса. Публиковать нельзя. С другими сравнивать по фамилиям тоже пока не надо. Если ещё кому-то отправлять — сначала скажите.

— Да. Отдельно согласуем.

Полных медицинских выписок в папке не было. Софья не добавила их в перечень ожидаемого так, словно уже получила право затребовать. Инга записала только вопросы к смыслу употреблённой формулировки и к требованиям предполагаемой работы.

Пока сканер медленно втягивал лист, Лариса посмотрела на часы.

— Если они завтра дадут другое уведомление, это выкинуть?

— Нет, — сказала Софья. — Сохраните оба. Если исправляют, пусть укажут, что и почему. Не нужно обменивать ваш экземпляр на новый.

— А если скажут, что этот ошибочный?

— Это можно написать в исправлении.

Лариса забрала исходники сразу после копирования, проверила число страниц и убрала их в свою папку. Для подготовленного обращения ей дали отдельный лист. Она прочла его целиком. На словах «прошу приостановить действие решения до предоставления оснований» задержалась.

— Так можно просить?

— Можно просить. Это не значит, что они согласятся.

— Оставьте.

В запросе перечислили основание досрочного окончания этапа, дату и состав использованной оценки, конкретный смысл готовности к самостоятельной работе. Попросили вы-

дать относящиеся к Ларисе материалы и объяснить расчёт за последний период. Условия нового предложения вынесли отдельно: продолжительность, помощь, перерывы, приёмка и выплаты. Ни мошенничества, ни диагноза, ни требований от имени группы в тексте не появилось.

Лариса подписала обращение и отправила с собственного адреса, приложив только те страницы, на которые ссылалась. Затем осталась ждать автобус по расписанию в телефоне. Ближайший она уже пропустила, следующий шёл через восемнадцать минут.

Ответ о получении пришёл, пока Софья складывала рабочие копии. За ним — короткое письмо Резник.

Она подтверждала, что участие заканчивается тридцатого октября; просьба приостановить решение не принята. Предложение договора с производственным партнёром оставалось в силе до той же даты. Подробный ответ на вопросы об оценке и переходе обещали направить к пятому ноября.

Лариса прочла письмо вслух, пропустив приветствие.

— То есть ответят, когда я уже не хожу.

— Да, — сказала Софья.

— Вы сейчас ещё что-нибудь отправите?

— Сегодняшнее обращение получено. Мы можем подтвердить, что вы сохраняете несогласие и ждёте документы. Но это не продлит выплаты само по себе.

Лариса кивнула. Быстрого продолжения, которое вернуло бы ей место до завтра, у них не было.

— Тогда не надо десять одинаковых писем. Одно отправьте, которое нужно.

Софья подготовила короткий ответ, дала ей прочесть. Лариса подтвердила отправку и поднялась. Инга помогла собрать только рассыпавшиеся чистые салфетки; папку Лариса убрала сама.

У двери она остановилась.

— Я тридцатого пойду. То, что начала, закончу в своё время. Не дольше. И расчёт заберу.

— Хорошо, — сказала Инга.

— Это не значит, что я согласилась.

— Не значит.

Лариса достала из бокового кармана маленький календарь. На тридцатом уже стояло время выхода. Возле него она написала «последний», затем нашла пятое ноября и поставила «ответ». Между отметками лежали несколько пустых клеток.

В папке оставались два документа от двадцать седьмого октября: уведомление о готовности к самостоятельной работе и предложение вернуться за тот же стол. Лариса вложила календарь между ними, застегнула сумку и пошла на свой автобус.

Глава 6. Три адресата

— Вот здесь хорошо написано, — сказал Степан. — Только я столько не работал.

Он положил справку на стол и придержал её левой ладонью. Бумага успела намокнуть по краю; на подоконнике под его курткой расплывалась тёмная полоска. Инга принесла со шкафа вешалку.

— Повесьте сюда. На батарею рукав не надо.

Степан снял куртку с подоконника, повесил и вернулся к листу. Он пришёл двадцать девятого октября, между назначенными встречами Инги. По телефону попросил десять минут: «Мне дали для работы. Вы посмотрите, это про меня или вообще».

Вверху стояло название программы, ниже — «Характеристика достигнутого результата». Составителем был указан Глеб Костров. Документ выдали Степану накануне в кабинете Резник.

Инга прочла первую половину. Освоена последовательность сборки, обеспечено качество принятых соединений. Затем шли слова о самостоятельном выполнении без посторонней помощи. Последний абзац распространял результат на устойчивую работу в течение обычного рабочего дня.

— Кто предложил справку?

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.